

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Андрей Таркинский
Заря людского господства

Андрей Таркинский
Заря человеческого господства

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Таркинский А. А.

Заря людского господства / А. А. Таркинский — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Материк Лоринар стоит на пороге великих событий. Почти тысячу лет не было конфликта, который коснулся бы каждого народа. Правители стали забывать о том, что такое настоящая война. До неё ещё осталось время, но не все смогут к ней подготовиться. Сказание начинается в 980 году, когда в империи Стедмар отгремела гражданская война. Королевство Кемендум только что оправилось от заговора против короля и уже столкнулось с новой бедой в лице набегов стад кентавров. Кочевые кланы орков получают предупреждение от своего Бога. А где-то в середине материка двое наёмников выполняют задание, ценой которого является их жизнь. Содержит нецензурную брань.

© Таркинский А. А., 2018

© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Плохая примета	6
Снова в бой	15
Возмездие за вред природе	24
Старый приятель	37
Снова в путь	47
Великое книгохранилище	54
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Отдельная благодарность выражается Максиму Пирогову за помощь в создании мира и истории континента Лоринар

Плохая примета

Глубокий вдох и шумный выдох. Орисс с наслаждением выпустил облако пара изо рта. Оно было не очень густым, потому что зима уже почти подошла к концу. Однако ходить без тёплой одежды под кожаным доспехом ещё было рановато. Орисс накинул на голову капюшон, прикрывая свои белые волосы, и отправился по дороге в лес. Когда он зарабатывал себе репутацию наёмника, многие узнавали его именно благодаря цвету волос, поэтому Орисс выработал у себя привычку прятать макушку под капюшоном.

Притоптанный снег издавал негромкий скрип, едва соприкасаясь с подошвой сапог. Орисс сжал пальцы в кулаки и выдохнул в них паром. Наёмник пришёл к выводу, что он недооценил сегодняшний холод. Ветер дул в лицо, заставляя плащ развеиваться за спиной. Видимо, таким образом зима прощалась с людьми. В скором времени дорога соединилась со Сквозным трактом – Орисс перешёл на него и свернул в сторону леса.

Лесная опушка встречала наёмника практически полной тишиной. Чем ближе Орисс подходил к ней, тем явственнее ощущалось дыхание дикой природы. Пока ещё белые просторы полей, окружающих Атфельд, сменились стеной из толстых стволов ясеней и тополей. Заметив четыре цепочки следов, отходивших от Сквозного тракта, Орисс пошёл по ним. Стоило ему преодолеть несколько ярдов от основной дороги, как его ноги стали проваливаться в снег чуть выше щиколотки. Стараясь производить как можно меньше шума, наёмник уходил всё глубже в лес. Где-то сверху затрещала сорока. Это был хороший знак – хищников поблизости не было.

Мельком оглядывая местность, Орисс заметил что-то странное. Повернув голову налево, он непонимающе нахмурился. На стволе одного из тополей была глубокая царапина. Подойдя к дереву, наёмник провёл пальцами по ней. Он сразу понял, что след был не от когтей. На ум сразу приходило лезвие меча или топора. Пару раз Орисс видел, как стрела могла оставить на дереве такую же царапину, но эта была слишком большой для столь мелкого снаряда. Наёмник решил оглядеть местность. Вновь его глаз уловил какой-то длинный, тонкий след. Орисс пошёл в его направлении. Разворошив небольшой слой снега, он поднял с земли очень большую стрелу. Орисс сам хорошо стрелял из лука, а потому о размерах стрел он знал не понаслышке. Ему было достаточно просто взглянуть на неё, чтобы убедиться – люди такими снарядами не пользуются, потому что лук подобных размеров был бы слишком тяжёлый. Наёмник заподозрил неладное и стал внимательнее смотреть по сторонам.

Вернувшись к цепочке следов, Орисс возобновил преследование целей своего заказа. Однако теперь он старался идти без единого шума, аккуратно ступая след в след. Лёгкий хруст снега чуть-чуть выдавал наёмника, но идти ещё тише у него не получалось. Правая рука выпрямилась вниз, готовая в случае опасности выхватить кинжал, спрятанный в сапоге. Дыхание Орисса стало ровным и размеренным, чтобы из его уст не вырвалось ни единого звука. Где-то над ним хрустнула ветка, и этот звук показался оглушительным на фоне общей лесной тишины. Резко подняв голову, наёмник увидел мелькнувший белый, пушистый хвост. Еле удержавшись от того, чтобы не выругаться на несчастную белку, потревожившую лесную тишь, Орисс медленно выдохнул и продолжил путь. Впереди показалась небольшая поляна, на которой виднелось что-то красное. Тишина была доказательством того, что поляна пустовала, и Орисс прекратил скрываться, дойдя до места быстрым шагом.

«Ох, твою ж...»

Его взору предстала неприятная картина. Чуть в стороне от центра поляны на земле валялось три трупа. Ещё один лежал на порядочном расстоянии от остальных и находился ближе к наёмнику. Орисс первым делом подошёл к нему. Снег вокруг трупа был сильно разворошён. От ног погибшего отходили два длинных следа. Видимо, перед самой смертью этот человек полз на четвереньках, однако это его не спасло. Тело было прижато к земле, а нагрудник доспеха

сильно сплюснен. Недолго думая, Орисс присел на одно колено и принялся рыться в карманах умершего. Наёмник пришёл к выводу, что эти люди подверглись нападению, причём напали на них не животные. Чтобы так сильно измять нагрудник, надо чтобы на человека всей тушей навалился медведь или другая крупная тварь, которые водились гораздо севернее. Если напали люди, то карманы, скорее всего, уже были пусты, но наёмник должен был это проверить.

Пошарив по закромам ещё немного, Орисс вытащил найденные предметы. Несколько метательных ножей и маленький мешочек, в котором звякнули монеты. Выходило, что нападение совершили не грабители. Орисс сунул деньги себе за пазуху, а ножи пристроил в карман на ремне, после чего пошёл к следующим мертвецам. Искомому предмету пока не было, но теперь наёмник был уверен, что он здесь. Отойдя от первого трупа на несколько шагов, Орисс заметил следы на снегу. Приблизившись к ним, он узнал в них отпечатки лошадиных копыт. Прежде, чем он успел о чём-либо подумать, его привлекла одна деталь – следы были без подков. Тут же на ум пришла стрела крупных размеров. Всё это говорило лишь об одном.

«Кентавры», – пронеслось у него в голове.

Он благодарил богов за то, что ему не посчастливилось встретиться с этими существами. Орисс принялся обыскивать оставшиеся трупы. Кентаврам незачем было брать людские вещи, поэтому уверенность в сохранности предмета заказчика окончательно укрепилась. Полукони не крали никаких драгоценностей за исключением серебра – наёмник слышал, как кто-то из его знакомых рассказывал о кентавре с серебряным двуручным мечом. Орисс не знал, почему полукони испытывали такую тягу к этому металлу и благодарил судьбу за то, что искомый им предмет не из серебра.

Обыскивая уже третий труп, Орисс, наконец, нащупал что-то помимо монет и вытащил руку из-под плаща умершего. В его ладони было красивое золотое кольцо, отливающее каким-то зеленоватым цветом. Орисс был уверен, что это именно то кольцо, о котором говорил его наниматель. От украшения веяло какой-то странной силой, оно как будто манило к себе и стремилось чем-то поделиться. Наёмник понятия не имел, что это такое, но задавать лишние вопросы людям его профессии не положено. Оставалось только вернуть кольцо нанимателю.

Орисс положил артефакт в небольшой кармашек на поясе и посмотрел на небо. Пора было возвращаться в Атфельд. Прямо отсюда идти было нельзя, потому что тогда его путь совпал бы с дорогой кентавров, а наёмник не хотел допускать даже малейшей возможности пересечься с ними. У этих полуконей хорошее обоняние и слух, а, значит, пройти мимо них незамеченным будет очень трудно. Орисс решил вернуться той же дорогой, какой добрался сюда.

Поляна, на которой лежали убитые кентаврами люди, была довольно редкой роскошью для этого леса. Орисс бродил по окраине несколько раз, но открытое пространство, которое не обступают деревья, нашёл впервые. Если бы на ней не происходило неравной битвы, ОриССу могло бы приглянуться это место: открытое, чистое, спокойное. Пока наёмник шёл к Сквозному тракту, он увидел двух оленей, нескольких зайцев, а один раз вдалеке усмотрел рыжую голову лисицы. Живность любила этот лес, и Орисс понимал почему. Не зря это место назвали «Многолюдным». Шуточное название быстро прижилось и стало появляться на картах всех народов. За исключением Сквозного тракта, людей здесь было очень мало. Всё из-за того, что кентавры перестали равнодушно смотреть на тех, кто нарушает спокойствие леса, уделяя особое внимание лесорубам.

Ноги наёмника вновь стали проваливаться в белое покрывало земли. Снег отчётливо хрустел под сапогами, лаская слух. Совсем скоро наступит весна, и шанс вновь услышать этот звук появится не меньше, чем через полгода. Орисс находился на самой окраине леса, поэтому не опасался того, что его услышат местные хищники. Наёмник слышал, что когда-то давным-давно дикие звери осмеливались нападать на Атфельд, но стражники всегда откидывали этих тварей назад, и те перестали выходить из леса. Самые опасные существа, которых

тут можно встретить – это кентавры. Пусть они и не были настроены воинственно против всех людей, лесорубов всегда ждала плачевная участь. Несколько раз Орисса посещала мысль о том, почему кентавры напали на тех людей на поляне, но так и не смог найти стоящей причины.

До окраины леса было недалеко, но Ориссе казалось, что он идёт довольно долго. Наёмника не тяготила своя поклажа, поэтому усталости он не чувствовал. За плечами висел лук, к поясу привязан колчан, в котором лежали полтора десятка стрел, кинжал в сапоге, немного денег и лёгкая кожаная броня. Кожа являлась не очень надёжной защитой – стрелы скорее в ней вязнут, нежели отскакивают, но, как и многие наёмники, Орисс предпочитал свободу движений надёжности. Веса капюшона, накинутаго на голову и прикрывавшего белые волосы, он вообще не чувствовал.

Орисс, наконец, вышел на нормальную дорогу и отправился по ней в город. Большую часть тропы покрывал снег. Из-за того, что люди тут ходят довольно часто, на снежном насте была хорошо протоптана широкая дорожка. Погода была диво, как хороша: небольшой ветерок приятно охлаждал лицо, а поскрипывание одного из последних в этом году слоёв снега заставляло погрузиться в негу.

Уже подходя к воротам Атфельда, Орисс ещё раз проверил кольцо, лежащее у него в кармашке. Удостоверившись, что оно на месте, наёмник посмотрел на стражников, стоящих по краям дверей, и вошёл в город. Атфельд был далеко не такой крупный, как столица королевства, Айнэст, но когда Орисс впервые его увидел, то поразился его размерам. Наверное, всё дело было в том, что это был самый первый город, который Орисс увидел в своей жизни. Его много что связывало с этим местом, ведь именно здесь он стал наёмником, именно здесь получал свои первые заказы. Всё это было слишком давно... , Орисс всегда невольно улыбался, вспоминая те дни.

В зимнее время года люди гораздо меньше времени проводили на улице. Орисс и сам с большим удовольствием не покидал бы уютной комнаты, потому что зимы в Кемендуме бывают достаточно суровы. Однако же эта выдалась хоть и холодная, но достаточно спокойная. Снежных бурь Орисс почти не видел, настоящий снегопад выпал только в самом начале зимы. То, что было потом, назвать снегом ни у кого не поворачивался язык. Народу от этого на улице всё равно не прибавлялось. Единственные жители Атфельда, которые бегали по улице круглосуточно в любую погоду и в любое время года – дети. Особенно мальчишки, которые носились по улицам, кидая друг в друга снежки и играя в догонялки. Многие взрослые люди раздражаются, когда у них под ногами шныряет детвора, но Орисс только улыбался. Он сам когда-то был таким же ребёнком и, порой, ему хотелось вернуться в то время. Но оно осталось позади: в полузабытом и беззаботном прошлом.

Неширокая главная улица Атфельда встретила наёмника достаточно мрачно. Значительную роль в этом сыграли сумерки, которые постепенно начали сгущаться. Орисс твёрдо ступал на выпуклые камни мостовой, несмотря на риск поскользнуться и упасть. В каменных домах почти все окна испускали тусклый свет зажжённых свечей. Пару раз Орисс краем глаза видел какие-то тени на крышах. Он сразу признал в них своих братьев-наёмников. Орисс знал, по меньшей мере, шестерых человек, которые спокойно могли перемещаться по крышам зданий, не боясь свалиться вниз. Кое-кто из стражников уже зажёл факел перед отправкой в дозор.

Орисс шёл по улице, окидывая взглядом случайных прохожих. Все они смотрели на него с каким-то презрением. Орисс знал, что многие люди не одобряют его ремесло и научился пропускать колкости мимо себя. Он слышал десятки оскорблений, связанных с тем, что он помогает другим только за деньги. Орисса это всегда озадачивало, потому что его работа являлась точно такой же, как и любая другая – сообщество наёмников даже было узаконено на определённых условиях. Он полагал, что люди это не одобряют, потому что не каждый мог себе позволить оплатить услуги тех, кто носил на себе знак сороки. Орисс смахнул несколько снежинок с застёжки плаща в виде упомянутой птицы, которая и указывала на то, что этот

человек помогает только за деньги. Перед ними стоит «сорока» – продажный человек, который сегодня проводит вас до соседней деревни, а завтра перережет горло вам и всей вашей семье.

Наёмник подошёл к нужному дому, постучал, но ему никто не ответил. Орисса это удивило – заказчик обещал не покидать своего жилища в течение нескольких дней. Решив не беспокоиться раньше времени, наёмник отправился к ближайшей таверне, которая называлась «Кружка эля». Орисс давно сюда не заходил, но он подозревал, что в этом заведении ничего не изменилось, кроме владельца – до его ушей доносились вести о том, что теперь эта таверна принадлежит новой хозяйке. «Кружкой» сейчас управляла Танина – молодая, полная девушка с каштановыми волосами и невероятно доброй душой, присущая большей части толстушек. Орисс давно её знал и до сих пор не понимал, как такая, как она, может оставаться приветливой с таким, как он? Ему стоило лишь один раз оказать ей услугу за то, что её семья помогла ему залечить рану, как Танина прониклась к нему симпатией. Она верила в то, что под завесой алчности и эгоизма наёмник был гораздо добрее, а сам «сорока» был уверен в том, что девушка была наивной дурочкой.

Войдя в «Кружку», Орисс убедился в том, что таверна осталась именно такой, какой он её запомнил. На деревянном полу хорошо виднелись следы растаявшего снега. Почти все полтора десятка столов были заняты – даже те, что находились в углу. Богатые люди в таких местах не едят, поэтому основная часть гостей таверны состояла из местных ремесленников. Бегло осмотрев таверну, Орисс сразу узнал кузнеца и его подмастерья, которые увлечённо беседовали с кружками эля в руках. Кроме них наёмнику на глаза попала портниха с продавщицей фруктов и парочка стражников. Увидев последних, Орисс сразу понял, что сегодня беспорядков в таверне не будет. Света от очага и нескольких подсвечников вполне хватало, чтобы видеть почти всех присутствующих.

Однако кое-что сразу привлекло внимание Орисса. У дальней стены образовалось небольшое столпотворение. Посмотрев в ту сторону, наёмник увидел весьма симпатичную девушку-барда с лютней в руках. Из-за гула, идущего от отдыхающих работяг, Орисс не смог расслышать песню. Подойдя немного ближе, «сорока», наконец, разобрал слова песни, но они перестали иметь для него значение, в отличие от звука её голоса. Девушка пела не очень громко – видимо, решила работать только для тех, кто подошёл поближе. Ради такого голоса стоило взять свободный стул и сесть впереди всех, чтобы не упустить ни единого звука. Пение девушки было очень красивым. Орисс не сразу осознал, что стоит и слушает её в течение нескольких минут. Его расстроило лишь то, что разглядеть девушку так и не получилось.

Опомнившись, наёмник подошёл к стойке, за которой стояла хозяйка, и заказал пинту¹ сидра. Что-то крепкое он пить не хотел, потому что его работа ещё не была закончена. Танина подала ему сидр и только потом узнала в подошедшем старого знакомого.

– Рада тебя видеть, – сказала она после приветствия. – Давно ты сюда не заходил.

– Да времени свободного не так много, – произнёс в ответ Орисс, отпивая сидр. – То туда надо топтать, то сюда.

– Занимаешься всё тем же, я смотрю? – поинтересовалась Танина, задержав взгляд на застёжке плаща.

– А чем мне ещё заниматься? – пожал плечами наёмник. – Я умею делать свою работу и получаю за это хорошие деньги. Не хочется что-то менять.

– Мог бы стать вольным наёмником.

– Ну, уж нет. Мой связной постоянно о них говорит так, будто прикончить хочет, и я не хочу оказаться на их месте.

Танина угрюмо поджала губы. Она была одной из тех немногих, кто не относился к наёмникам ни плохо, ни хорошо. Но Ориссу было всё равно, что думают другие – денег у него все-

¹ Пинта – единица объёма в английской системе мер, примерно равная 0,56 литра

гда было в достатке, а большего ему было не надо. Риск всегда достойно оплачивался, пусть кто-то и считает подобный вид деятельности низким.

– Скажи-ка, а что это за девчушка там выступает? – спросил Орисс, чтобы отвести тему беседы от своей работы.

– Это Эрил Сладкоголосая, – ответила Танина. – Не так давно появилась здесь.

– И откуда же она взялась? – продолжал расспрашивать Орисс, повернувшись в сторону барда.

– Не знаю, – пожала плечами Танина. – Она никому об этом не рассказывает. Вроде бы её история города интересует, вот она и перебралась сюда.

– Ну, да. Барды постоянно подобной чушью занимаются. Ей хоть платят здесь?

– Ага. Она много песен знает – неплохо зарабатывает за вечер. Только она не бард.

Орисс озадаченно посмотрел на собеседницу.

– Это как? – спросил он, отхлебнув ещё сидра. – По твоим словам она является именно бардом.

– А вот и нет, – улыбнулась в ответ Танина. – Она – филида².

– А-а-а-а, филида, ну конечно же, – протянул наёмник. – А я-то дурак перепутал.

– Ты ведь ничего не знаешь о филидах?

– Не имею ни малейшего понятия.

Танина усмехнулась, но их разговор прервал какой-то мужчина, попросив выпить. Пока она отвлекалась, Орисс вновь посмотрел в сторону Эрил Сладкоголосой. Ему всё больше хотелось разглядеть её вблизи. С такого расстояния наёмник мог лишь предполагать, что она была хороша собой, потому что барды часто имели приятную внешность.

«Она не бард, а филида», – прозвучал у него в голове голос Танины. Орисс отмахнулся от этой мысли, ведь как розу не назвать, она всё равно будет пахнуть розой. Эта самодельная поговорка отца Орисса сама собой возникла в голове. Едва заметно сглотнув маленький комочек, наёмник сделал ещё глоток. Мысли о родителях всегда заставляли его грустить. После этого всегда хотелось позвать каких-нибудь знакомых и напиться до потери памяти.

– Так вот, насчёт филид этих, – сказала Танина, вернувшись к наёмнику. – Они, кажется, ценятся выше, чем барды. Вроде бы, у богатых людей наличие филида очень уважается. Сама Эрил как-то очень непонятно это объясняла. Что-то там про стихи, про рифму, про содержание. Я так толком ничего и не поняла, кроме того, что она смотрит на бардов сверху вниз.

– Понятно всё с ней, – протянул Орисс, пожирая глазами Эрил, повернувшуюся к нему спиной.

Танина закатила глаза и удалилась на кухню, чтобы о чём-то сказать поварихе. Орисс тем временем гадал, сколько лет Эрил, потому что выглядит она наверняка моложе, чем есть на самом деле. Остановившись на семнадцати-восемнадцати, наёмник попробовал вспомнить, слышал ли он о филидах хоть что-нибудь и быстро осознал, что не знает о них ровным счётом ничего.

– Слушай, – произнёс Орисс, когда Танина вернулась. – А ты давно что-нибудь про кентавров слышала?

– Кентавров? – переспросила Танина. – Да вообще ничего не слышала в последнее время. А что? Что-то случилось?

– Да так, – Орисс не хотел посвящать её в свою работу. Она и так интересовалась этим при каждой встрече, а выслушивать новые вопросы ему сейчас не хотелось.

– Ну, ты уж говори, раз начал, – настаивала Танина.

«Она ведь не отстанет», – пронеслось в голове Орисса, после чего он сказал:

² Филид – в ирландской традиции придворный музыкант, помимо исполнения песен разбиравшийся в законах, традициях (истории), и осуществлявший предсказания, мог колдовать. Женская форма – филида.

– Просто, когда искал вещицу заказчика, набрёл на четверых мертвецов, а рядом следы копыт неподкованных.

Наёмник видел, что Танина была напугана. Орисс поспешил её успокоить, потому что нельзя было сеять панику без причины. Возможно, он сам зря придал этому столь большое значение. Кентавры никогда никого не пугали, кроме лесорубов, которые продолжали валить деревья на свой страх и риск, несмотря на запрет. Полуконей не воспринимали как угрозу, но уважали их просьбы. Именно поэтому о случаях нападений кентавров не было слышно. В Многолюдном лесу была сосредоточена большая часть полуконей центральной части Лоринара, но сколько всего их там живёт, наёмник не представлял.

Мысли о полуконях прервались из-за того, что Орисс заметил, как Эрил Сладкоголосая идёт в направлении барной стойки. «Сорока» немного приосанился и сел так, чтобы бицепс руки, которой он облакачивался на стол, был виден из-под кожаной брони. Глаза не обманывали наёмника – Эрил была чудо как хороша собой. Длинные, чёрные волосы опускались чуть ниже плеч. Гладкое личико покрылось едва заметной испариной. Видимо, она очень старалась, когда пела. Ярко-зелёные глаза, казалось, светились. Длинное бледно-жёлтое платье скрывало ноги почти целиком, оставляя лишь чёрные башмачки. Эрил шла, держа осанку. Ей могли бы позавидовать некоторые леди, которым приходилось выпрямлять спину только с помощью корсетов. Небольшая грудь неторопливо вздымалась, ловя каждый глоток воздуха.

– Дай воды, пожалуйста, – даже вне своих песен голос Эрил был шикарен – своё прозвище она полностью оправдывала.

– Моё почтение, – произнёс Орисс, улыбаясь девушке. – Эрил Сладкоголосая, значит?

– Она самая, – чуть улыбнулась в ответ Эрил, беря в руку кружку с водой.

– Слышал о тебе, – многозначительно сказал наёмник.

– Неужели «сороки» интересуются музыкой? – вскинула брови девушка.

– Только лучшие из лучших, – заигрывающим тоном ответил Орисс.

«Обязательно ведь было назвать меня “сорокой”», – едва заметно усмехнувшись, подумал Орисс, допивая, наконец, свой сидр.

Многие почему-то думали, что птичье прозвище оскорбляет наёмников, однако никто из знакомых Орисса, как и он сам, не видел ничего плохого в этой кличке. Наёмников так называли из-за их тяги к золоту, что было чистой правдой. Эта тяга и символ сороки – единственное, что объединяло всех членов этой организации, будь он хоть орком, хоть полукровкой³, хоть варау⁴. Все они были едины только по символу в виде этой птицы. Кто-то, как Орисс, делал застёжки на плащах, кто-то не стеснялся изображать сороку на щите или нагруднике, кто-то делал на своём теле татуировки или клейма в виде той же птицы. Те, кто хотели особенно сильно выделиться, приручали дикую сороку и учили её говорить. Орисс лично видел говорящую сороку у одного своего знакомого, пусть сказать она могла немного. Гораздо лучше произносят слова вóроны или южные птицы, вроде попугаев, которые встречаются в Рунэле⁵. Голосу сороки подражала хорошо, но вот чётко произнести хотя бы одно слово у неё не получилось. Разве что слово «ага» птица говорила без запинок.

– И что же эти «избранные» слышали обо мне? – всё так же улыбаясь, спросила Эрил.

– Хотя бы то, что тебе интересна история этого города, – не меняя тона, продолжал Орисс.

– Исчерпывающие сведения, – усмехнулась Эрил, положив пустую кружку на стойку. –

И как же зовут тебя, о великий шпион и следопыт, что смог так много обо мне узнать?

³ Полукровка – народ, образовавшийся на стыке людской и лорланской культуры. Населяют страну Латория на востоке континента Лоринар.

⁴ Варау – народ людей-крокодилов, населяющих страну Рунэл на юго-западе континента Лоринар.

⁵ Рунэл – страна на юго-западе Лоринара, населённая варау.

– Орисс, – наёмник по привычке назвался только по имени. У наёмников никогда не спрашивали ни кто они, ни кем являлись их родители. Друг друга «сороки» называли по именам, реже по кличкам. Орисс не сразу вспомнил о том, что Эрил наверняка ничего о нём не слышала, раз была родом не отсюда, однако её реакция удивила наёмника.

– Да ты что? – удивилась Эрил. – А я про тебя тоже слышала. О тебе неплохо отзываются.

– Среди тех, кто обо мне говорил, не было полукровка? – внезапно вспомнил Орисс о своём нанимателе.

– Нет, не припомню, – ответила филида после небольшой паузы. – Хотя, кажется, заходил кто-то с желтоватой кожей, но был ли это полукровка, я не знаю.

– Давно?

– Пару часов назад.

Ориссу это не понравилось. Полукровок в Кемендуме было не очень много, и все они хорошо владели магией. Все говорили, что благодаря смешению крови у многих полукровок есть какая-то предрасположенность к колдовству. Орисс часто думал, что жители Латории могли бы захватить весь континент, если бы захотели. Среди людей магов вообще не было, кое-каким волшебством владели орки. Только варау смогли бы оказать полукровкам достойное сопротивление. Волшебники звероловов владели своим даром просто мастерски и имели прочную кожу. Но полукровки сидели в своей стране практически безвылазно. Ориссу крупно повезло, что он встретился с представителем этого народа лицом к лицу.

Но почему-то его нанимателя не оказалось на месте, когда наёмник подошёл к дому. Тот полукровка сказал, что он будет у себя в любом случае. Орисса немного обеспокоила эта ситуация. Кроме того, он стал замечать, что кольцо, которое он должен отдать нанимателю, время от времени принималось вибрировать в кармане. Орисс не рисковал доставать его у всех на виду – в городе было достаточно пьяного сброда, который мог бы попытаться присвоить украшение себе, несмотря на присутствие стражников.

– Погоди, твой заказчик – полукровка? – подозрительным тоном спросила Танина.

– Ага, а что?

– В Атфельде живёт только один полукровка. Траундаск Вермунд, вроде бы.

– Имена у них, конечно, красивые, – «И сложные, будь они прокляты», – но ты могла бы и не называть его. Я всё равно не знаю, как зовут того полукровку.

– Как это, не знаешь?

– В моём деле это вредно. Так что там насчёт него?

– Говорят, он один из лучших магов Латории, – произнося это, Танина существенно понизила голос. Орисс заметил, что Эрил внимательно их слушает.

Однако слова Танины заставили Орисса задуматься. Если этот полукровка (Орисс не запомнил его имя) действительно силён в колдовстве, то становится несколько странным его обращение за помощью к наёмнику. Орисс был уверен, что полукровка и сам смог бы справиться с этой задачей, даже с кентаврами наверняка управился бы. Всё это было как-то непонятно. Задание было не особо трудным, а платил полукровка много. Орисс не хотел браться за это дело – его решению поспособствовала цена.

– Всё это как-то непонятно, – вслух проговорил Орисс.

– А что за дело этот полукровка тебе поручил? – подала голос Эрил. Видимо, речи о магии её очень сильно заинтересовали. Орисс знал, что бардов всегда тянуло на такие песни – в этом филиды наверняка мало чем отличались от них.

– Не сочти за грубость, детка, но это не твоё дело, – вкрадчиво ответил наёмник.

– Я надеюсь, это не поисковое задание? – спросила Танина. – У вас же это...

– Плохая примета, – закончил за неё Орисс. – Получше некоторых знаю.

Он не думал об этом с тех самых пор, как узнал цену, которую предлагал полукровка. Однако сейчас он уже всерьёз размышлял о плохой примете. Орисс не был суеверным, но, по

каким-то причинам, именно это правило работало. Когда он обзавёлся достаточным количеством знакомых среди «сорок», то убедился, что все как один говорят об этой примете на полном серьёзе. Она гласила: не берись за поисковую работу. Это было единственным правилом, которому следовали наёмники.

Кроме того, по словам старших «сорок» эта примета имела свойство накапливать свою силу. Это значило, что до определённого момента поисковые дела могли приносить неплохие деньги, но чем дольше наёмнику будет везти, тем страшнее будут последствия. Орисс слышал, что самое большое количество поисковых заданий, которое было выполнено подряд – два. После третьего все умирали. Больше всего Орисса волновало то, что его сегодняшний заказ был третьим по счёту. Награда была слишком заманчива, чтобы от неё отказываться, поэтому, в конце концов, «сорочье» чутьё заставило его дать согласие. У Орисса складывалось вдвойне нехорошее предчувствие насчёт кентавров, когда мысль о примете мелькнула в лесу, но сейчас ему казалось, что полукони на самом деле являлись случайным совпадением.

– Что за примета такая? – спросила Эрил.

«А ты всё никак не уймёшься», – подумал Орисс.

– Считается, что если наёмник согласится найти какой-нибудь предмет, его, в лучшем случае, будут преследовать неудачи, – пояснил «сорока», разглядывая вырез платья у Эрил на груди.

– А в худшем? – казалось, девушка была вовсе не против того, чтобы наёмник раздевал её глазами. Орисс понял, что она надеется выудить из него побольше сведений.

– Он умирает.

Большого Орисс рассказывать не собирался. Он с лихвой рассчитался с филидой за сведения о полукровке. Сославшись на то, что ему пора идти, «сорока» вышел из таверны. Сумерки уже сгустились окончательно. С неба летели мелкие снежинки. Орисс присел на ступеньки крыльца таверны, достал один из ножигов, найденных на трупе, и стал лавировать им между пальцев. Его это всегда успокаивало и помогало найти верное решение той или иной проблемы. Своего нанимателя он так и не нашёл, а трофеем, который надлежало отдать полукровке, по-прежнему тяготил карман. У Орисса стало неприятно на душе, едва он вновь вспомнил о примете. Поэтому ему, так или иначе, следует от него избавиться. Не придумав ничего лучше, Орисс встал, сунул нож в карман и отправился к дому нанимателя.

Проникать в чужое жилище было не лучшей затеей – стражники не спустят это ему с рук, если увидят наёмника за этим делом, но Орисс решил рискнуть. Даже если полукровка не окажется на месте, наёмник просто оставит это кольцо где-нибудь у него дома. Опаска того, что примета на сей раз сработает, возобладали над жадной золотом.

Подойдя к нужному дому уже второй раз за день, Орисс остановился, выпуская клубы пара изо рта. Вламываться во входную дверь было бы слишком заметно. Орисс очень надеялся, что у этого дома есть чёрный ход. Он обошёл жилище со всех сторон и, наконец, нашёл дверь в погреб. Недолго думая, наёмник вытащил отмычку из кармана и стал медленно ковыряться ей в замке. Услышав негромкий щелчок, Орисс с удовлетворённым видом убрал отмычку и аккуратно открыл двери – благо петли были хорошо смазаны и ни единого скрипа слышно не было.

Прикрыв за собой двери, Орисс погрузился в полную темноту, однако когда его глаза чуть привыкли, он увидел, что свет откуда-то, всё-таки, проникал. Орисс сомкнул веки и потёр их пальцами. Открыв глаза, наёмник уже гораздо лучше видел очертания предметов и уже не натёкался на них. Этому фокусу его научил один из его друзей-наёмников. Орисс бесшумно прокрался к лестнице, ведущей наверх, умудрившись не заметить полную бочку и едва не уронив её на пол. Орисс поднялся по лестнице и открыл дверь в дом.

На небе, тем временем, взошла одна из лун, ярко освещающая окрестности. Её свет проникал в окна, поэтому в самом доме, в отличие от погреба, было светло. Никаких следов жилища

Орисс не обнаружил и стал думать, куда бы положить кольцо. Он внезапно осознал, что кольцо вибрирует практически без перерыва, и ему это очень не понравилось. Орисс достал его из кармана. Зеленоватый отблеск был заметен гораздо лучше – ещё чуть-чуть, и это украшение уже можно было использовать вместо факела. Наёмник принялся думать, что же на него так повлияло? Решив не тратить на раздумья драгоценное время, Орисс уже хотел было положить кольцо на стол, как вдруг осознал, что в разных местах кольцо вибрирует по-разному. Наёмник поводит рукой во всех направлениях и выяснил, что сильнее всего кольцо проявляет себя в направлении двери в другую комнату. Любопытство возобладало над страхом неизвестности, и наёмник сделал несколько шагов к двери. Кольцо стало вибрировать ещё сильнее при приближении к дальней комнате. Орисс приоткрыл дверь и вытаращил глаза от увиденного.

На полу лежал тот самый полукровка, который его и нанял. Желтоватая кожа в полутьме казалась почти белой. Около ушей с заострёнными кончиками виднелись очень маленькие лужицы крови. Орисс подошёл к нему. Кольцо стало вибрировать ещё сильнее. Каково же было удивление Орисса, когда полукровка резко дёрнул зрачками и уставился на вошедшего. Наёмник отпрянул назад, споткнулся и шумно повалился на пол. Его рука инстинктивно дёрнулась к кинжалу. Полукровка приподнял руку, и она тут же рухнула вниз. Он шевельнул губами и замер. Кольцо в руке Орисса прекратило вибрировать так же внезапно, как будто тоже умерло.

«Примета хренова», – подумал «сорока», убирая руку от сапога с кинжалом. Орисс вновь посмотрел на кольцо – зелёный цвет стал почти не виден. Поднявшись на ноги, наёмник широкими шагами направился к двери в погреб.

Снова в бой

Ближе к ночи травоядных становится гораздо меньше, а хищные звери наоборот проявляют себя чаще. Агрон аккуратно ступал по траве, стараясь не наступать на снег, чтобы ни один хрустящий звук не проскользнул в сумеречной тишине. Он внимательно всматривался в даль в поисках хоть какого-то движения, но не замечал ничего, кроме колеблющихся от ветра веток. Агрон продвигался всё дальше от опушки, однако тишина, зависшая в воздухе, давала понять, что поблизости нет никакой живности.

Агрон прошёл ещё чуть вперёд и заметил пасущегося молодого оленя. По-прежнему обходя снег, Агрон вытащил стрелу из колчана, наложил на тетиву и прицелился. Глубоко вдохнув и крепко сжав оружие в руке, Агрон отвёл стрелу назад до предела натяжения. Как только он сделал ещё пару шагов, чтобы лучше видеть оленя, из-под его ноги раздался хруст снега, который мигом многократно отразился от деревьев. Олень вскинул голову, едва услышав этот звук. Агрон отпустил стрелу, и она вошла прямо в брюхо зверю. Животное, ошарашенное выстрелом, плюхнулось на землю. Агрон помчался к подстреленному зверю и перерезал ему глотку. Облегчённо вздохнув, он схватил оленя за рога и потащил к окраине леса.

У самой опушки находилась небольшая деревушка Фоулдестракт, в которой сейчас располагались остатки некогда большого войска. Их было немало, однако сейчас их могла разбить даже горстка хорошо вооружённых наёмников. Несмотря на большое количество умелых и опытных воинов, они были в ужасном состоянии. Помимо всего прочего, они заботились о раненых, которых нельзя было бросать.

Именно сюда Агрон и тащил убитого им оленя. Деревни едва хватало на то, чтобы вместить выживших в недавней войне. Многим ветеранам, участвовавшим в подобных битвах, отдавали почести после их окончания. Агрон был уверен, что ему и его соратникам оказывать уважение никто не будет. Теперь их дело проигрышное, а цель кажется нелепой. Даже те, кто клялся, что дело повстанцев было правое, в конце концов, сдались. Поначалу Агрона приводило в ярость такое поведение, но сейчас и он смирился с таким отношением.

Они хотели слишком многого. Их восстание оказалось настолько большим, что сам император Стедмара⁶ выделил большую часть своего войска для подавления сил противника. Агрон знал, что это будет нелегко, но победа часто являлась ему во снах. Эти сны заставляли его всей душой верить и желать победы. Он был уверен, что война будет ими выиграна, даже когда их лидера пронзил клинок врага.

Сейчас всё было по-другому. Сейчас они просто старались вылечить раненых, а потом... Агрон не хотел думать о том, что им делать дальше. Неизвестность его пугала гораздо сильнее, чем превосходящие силы войск Стедмара. Ему было страшно даже приблизиться к какому-нибудь имперскому городу. Этот страх появился, несмотря на то, что его лицо всегда закрывал шлем, и никто из стражников не знал его в лицо. Кроме того не все лайдеры⁷ были рабами, поэтому начать жить мирной жизнью было нетрудной задачей. Агрон не мог представить себя возделывающим поле или кующим мечи. Он не умел ничего, кроме как убивать. Агрон находил себя в битве – это единственное место, где он чувствовал себя нужным и сильным.

Уже на подходе к Фоулдестракту были видны часовые, которые следили за округой на случай нападения войск империи. Несмотря на сокрушительное поражение, лайдеров всё ещё преследовали, чтобы уничтожить последние угли пламени восстания. Агрона не стал никто останавливать – его все знали в лицо наравне с погибшим лидером и ещё несколькими коман-

⁶ Стедмар – империя, находящаяся на западе Лоринара.

⁷ Лайдеры – коренной народ государства Крартел, захваченного императором Стедмара Квинтом Невием IV.

дующими. Тащить оленя было тяжело, но Агрон справился с этой задачей. Звериную тушу встретили радостными возгласами, как и её добытчика.

– А где мой брат? – спросил Агрон одного из бывших воинов.

– У Юго-западной дороги, – был дан ответ, прежде чем приступить к свежеванию туши.

Агрону пришлось пересечь всю деревню, чтобы найти своего брата-близнеца Дурона. Они были очень похожи друг на друга, но перепутать их было сложно. Они оба были достаточно высокого, для лайдера, роста, черноволосы, атлетического сложения. Основным отличием между братьями был шрам Дурона, находящийся под левой скулой. Кроме того, его волосы были немного длиннее и всегда зачёсаны назад.

Подойдя к одиноко смотрящему вдаль брату, Агрон какое-то время просто стоял рядом с ним. Порой им не требовались слова – они могли молча находиться рядом друг с другом и чувствовать поддержку один от другого. Их взаимопониманию завидовали почти все соратники – многие потеряли всех друзей на войне.

Дурона съедала какая-то тоска. Агрон видел это, но не стал ничего говорить – он чувствовал нечто похожее. Рука Дурона находилась на мече, прикреплённом к поясу. Агрону это было знакомо – прикосновение к рукоятке оружия ему тоже помогало успокоиться, почувствовать некую силу, исходящую от древка или эфеса.

– Я принёс оленя, – проговорил Агрон, нарушая молчание, длившееся несколько минут. – Его уже, наверное, освежевали – скоро жарить будут.

– Я не голоден, – даже голоса братьев были очень схожи, однако Дурон немного похрипывал. Сказывались несколько холодных ночей, которые повстанцы провели у подножия гор, скрываясь от врагов.

Дурон продолжал задумчиво смотреть вперёд. В его глазах не было видно ничего, кроме отчаяния. Агрон хотел бы как-то подбодрить брата, но был не в силах это сделать. Сокрушительное поражение невозможно забыть по первой прихоти. Оно наверняка ещё очень долгое время будет всплывать в памяти и погружать сердце в печаль. Эти воспоминания не принесли ничего, кроме ощущения безнадёжности. Стоящая на пороге весна должна была принести что-то новое, ведь именно весной зарождается новая жизнь. Но по злой шутке судьбы сейчас весна сулила лишь конец. Конец всего, что было, и того, что будет. Виднеющиеся вдалеке голые деревья и чёрные прогалины растаявшего снега будто говорили: ваш путь закончится здесь, в этой чёрной земле.

– Тебя что-то тревожит? – спросил Агрон, не в силах больше выносить накатившую горечь. Он редко напрямик спрашивал брата о его состоянии, но сейчас он был готов на всё, лишь бы прервать эту гнетущую тишину.

– Да, – не стал увильживать Дурон. – Что будет с нами дальше, брат?

Агрону было нечего на это сказать. Он и сам не раз задавался этим вопросом, но ответа никогда не находил. Эта война отняла слишком много жизней, слишком много сил. Даже сам Агрон принадлежал войне. Единственное, что он смог понять – вернуться к прежней жизни уже не получится.

Он даже не смел думать о чём-то подобном два года назад, когда Катрапс только-только поднял восстание рабов, уроженцев некогда великого государства – Крартела. Казалось, что это произошло годы, если не десятки лет назад. Агрон думал, что он скорее погибнет в бою, чем познает горечь поражения. Но судьба распорядилась иначе. После многочисленных мелких побед и нескольких крупных их восстание было подавлено. Катрапс погиб, большая часть его войска – тоже. Агрон был благодарен богам за то, что они оставили ему хотя бы брата. В остальном эти самые боги его очень сильно разочаровали – будь они действительно всемогущими, то не допустили бы такой страшной войны.

Герои⁸ отвернулись от них. Все до единого. Катрапис говорил, что целый народ не должен жить в рабстве, и Агрон верил ему. Многие лайдеры являлись рабами, которых не считали за людей. Простая вещь, животное, отребье. От одних только воспоминаний о рабской жизни у Агрона сжимались кулаки, Дурон чувствовал себя не лучше.

– Я не знаю, Дурон, – честно ответил Агрон. – Воевать мы больше не можем. У нас нет предводителя. Да и вообще...

– Я не про то, – прервал Дурон брата. – Куда нам идти? У нас нет ни дома, ни семьи. Мы всё те же рабы, только уже в бегах.

– Ты – моя семья, брат, – Агрон положил руку на плечо Дурона. – Мы больше не будем рабами. Обещаю тебе.

Дурон кивнул несколько раз. Они оба вновь посмотрели вдаль. Самое суровое время года подходило к концу – снег во многих местах начинал таять. Первой листвы ещё долгое время не будет, но Агрон был рад и такой весне. Холод ему уже надоел. Было бы здорово посмотреть на чистое небо в тёплую летнюю ночь, когда не нужно кутаться в плащ, чтобы согреться. Его брат был не такой. Дурон любил осень и дожди, которые льют не переставая. Последняя осень его разочаровала – она была короткой. Только-только листва успела опасть, как сразу же ударили морозы. Ранняя зима сулила не менее раннюю и тёплую весну. Погода была чудо, как хороша. Агрон жалел, что рядом с ними нет меха с вином, тогда этот вечер стал бы ещё лучше.

– Пойдём, поедим, – предложил Агрон, разворачиваясь. – А то ведь ничего нам не достанется.

Дурон последовал примеру брата, и они пошли по главной улице Фоулдестракта. Ни в одном окне света не было – все немногочисленные жители деревни уже спали глубоким сном. В воздухе запахло жареным мясом, и желудки братьев одновременно заурчали. Усмехнувшись, Агрон поторопил брата и сам ускорил шаг. В нём разыгрался зверский аппетит, и запах жарившегося оленя только сильнее раззадоривал его.

Присев у костра, братья застали бывших соратников за разговором о раненых. В общих чертах все они были в порядке, за исключением четырёх человек, которые умрут сегодня ночью. Как бы ни огорчила Агрона эта весть, он всё же облегчённо вздохнул. Он больше не хотел видеть, как умирают люди, с которыми он три года сражался вместе. Одно дело погибнуть в бою, другое – издохнуть в одной из этих лачуг.

Как только повстанцы закончили обсуждать раненых, оленина была готова, и все принялись отрезать себе по куску. Дальнейший разговор не задался. Агрону не хватало того времени, когда они собирались и веселились за одним столом вне зависимости от их положения. Тогда они ещё верили в победу, ещё были готовы сражаться. Но сейчас всё обстояло иначе. Уже не во что было верить, уже не за что биться. Кто-то мог крикнуть, что они сражаются за свободу, но в сражениях уже не было никакого толка. Катрапис освободил немало лайдеров, и всех освобождённых отправили в Краттел, но после поражения император сразу же остановил поток освобождённых людей.

– Агрон, – позвал его один из повстанцев. – Катрапис говорил что-нибудь, кроме того, что надо увести лайдеров из Стедмара?

– Нет, – ответил Агрон, откусывая большой кусок оленьего мяса.

– То есть, последней воли у него не было?

– Кроме того, что мы уже сделали – нет.

Лайдер встал со своего места и отряхнулся.

– Значит, из этой деревни мы уйдём, как чужие? – проговорил повстанец.

– И долго мы протянем, если разойдёмся? – услышался вопрос из толпы.

– А торчать в этой деревне лучше?

⁸ В мире Лоринара героями называют только людей, которые впоследствии стали богами.

– Да куда нам...

– Тихо!!! – громыхнул голос Агрона. – Он прав, мы разойдёмся. Каждый из вас – свободный человек. И каждый вправе сам решать, куда ему идти. Мы с братом не будем возражать, если все вы пойдёте одной с нами дорогой.

Среди повстанцев пробежал одобрительный шумок. Агрон посмотрел на Дурона – тот утвердительно кивнул в ответ на взгляд. Похоже, что в скором времени определятся люди, которые пойдут с ними, а с кем придётся расстаться. Возможно, что прощаться придётся со всеми. Агрон не мог поверить, что всё вот так вот закончилось. Они начали этот путь как кучка сброда и завершают его точно так же.

Надо будет придумать, чем теперь заниматься. Перед лидерами были открыты все дороги, ведь они были свободными людьми. Агрон в очередной раз порадовался тому, что его брат тоже остался в живых. Агрон подошёл к нему и указал головой в сторону. Дурон доел остатки своей части оленины и отправился вслед за ним. Агрон только хотел обсудить с ним, куда они отправятся в скором времени, как увидел поднятую руку часового. Никто из братьев не успел понять, что происходит, как часового насквозь проткнула стрела.

Агрон быстро переглянулся с братом, и они одновременно помчались назад. По пути Дурон обнажил свой меч, а его брат взял в руки лук, который так и не положил с самой охоты. Как только они достигли поворота, за которым скрывался их костёр, и слышался звон стали, Агрон наложил стрелу, и близнецы вышли из-за угла.

Перед ними предстала ужасная картина. Агрон от неожиданности встал, как вкопанный – так же поступил и Дурон. Они наблюдали битву между их людьми и всадниками на необычайно больших лошадях. Когда один из всадников отделился от общего сражения, Агрон осознал, что это был не человек на лошади. Перед ними стоял кентавр, вооружённый огромным молотом, который держал в одной руке. Торс человека плавно перетекал в конское туловище. Никакой одежды кентавр не носил, на его лице красовалась густая борода, волосы были длинными и спутанными. Сама человеческая часть полуконя была гораздо больше, чем тело обычного человека. Его рука была примерно в два раза толще руки Агрона и обладала недюжинной силой.

Заметив близнецов, полуконь галопом помчался в их направлении. Очухавшись от удивления, Агрон быстро натянул тетиву и выстрелил. Пустить стрелу прицельно у него не получилось – она вонзилась кентавру в плечо. Полуконь продолжал скакать к ним, словно не чувствовал сталь, вонзившуюся в его тело. Агрон понял, что не успеет достать вторую стрелу, и отпрыгнул в сторону. Дурон проделал то же самое. Ему едва удалось увернуться от несущегося ему навстречу молота. Агрон хотел воспользоваться секундной заминкой и достать новую стрелу, но вновь не успел. Кентавр непрерывным движением отмахнулся своим оружием в его направлении, и Агрону вновь пришлось отпрыгнуть. Потеряв равновесие, он упал на спину и, судя по негромкому деревянному треску, сломал значительную часть оперений своих стрел.

Кентавр встал на дыбы, чтобы покончить с одним из близнецов, но внезапно из его уст раздался грозный рык. Дурон уже вскочил на ноги и полоснул мечом по нижней части крупы лошадиной половины врага. Он хотел подсесть ноги кентавру, но немного промахнулся из-за внезапного подымания на дыбы. Кентавр опустил на все ноги и попытался лягнуть Дурона, но тот стоял чуть в стороне, поэтому удар пришёлся вскользь, однако его всё равно отшвырнуло назад с немалой силой. Пока полуконь был занят братом, Агрон быстро поднялся, схватил одну из оставшихся стрел и пустил её точно в сердце кентавра. Вернее туда, где оно должно находиться у человека, но полуконь, казалось, был непроницаем. Несмотря на уже вторую стрелу в своём теле, кентавр с яростным рыком замахнулся молотом и тут же резко рухнул на землю, издав яростный рык. На этот раз Дурон не промахнулся. Агрон быстро подбежал к раненому полуконю, который успел выронить своё оружие, достал кинжал и быстрым движением руки

перерезал кентавру глотку. Несмотря на смертельную рану, полуконь продолжал брыкаться своими лошадиными копытами, пока силы не покинули его.

Агрон быстро проверил свои стрелы. Целыми остались лишь четыре штуки. Поняв, что ему нужно искать другое оружие, Агрон глянул на молот кентавра и тут же отказался от мысли подобрать его. Внушительный размер набалдашника дал понять, что даже просто поднять молот будет нелегко. Решив не тратить понапрасну стрелы, Агрон зажал в руке окровавленный кинжал, и они с братом вновь помчались к костру.

У их соратников дела шли гораздо хуже. Большинство из них лежали мёртвые. Кто-то убегал, осыпаясь стрелами. Агрон понял, что оставаться здесь равносильно самоубийству – кентавров было слишком много для них двоих. Дурон тоже осматривал поле боя с нескрываемым ужасом. Большая часть мертвецов была обезображена сломанными костями, торчащими из тел. Тёмная почва вокруг костра стала багровой от впитавшейся в неё крови. И среди этого кошмара гордо возвышались кентавры с обнажённым оружием, покрытым тёмно-красным цветом. До этих самых пор братья видели полуконей лишь издали – сразившись с одним из них, оба близнеца даже не рассчитывали на то, что им удастся убить кого-то ещё.

– Бежим отсюда, – проговорил Агрон, надеясь, что кентавры, увлечённые добыванием людей, их не услышат. – В конюшнях остались осёдланные лошади?

– Да, – говоря это, Дурон вместе с братом уже во весь опор нёсся к конюшням.

Добежав до лошадей, близнецы быстро взгромоздились в сёдла и ударили каблуками по бокам животных. Лошади громко заржали и пустились галопом по Юго-западной дороге. Стук копыт о камень мешался с хрустом снега, местами лежавшим на почве. Агрону показалось, что они уже долго скачут и можно уже не так сильно гнать лошадей, но в дюйме от его головы просвистела большая стрела. Агрон быстро оглянулся, чуть не вывернув себе шею. Кентавры были на почтительном расстоянии, но два из них, бежавшие первыми, уже вновь были готовы стрелять. Агрон шептал про себя, чтобы они целились во всадников, а не в лошадей. Со стрелой в боку можно выжить, но если подстрелят скакунов, то это станет их концом. В лучшем случае, если упавший конь не раздавит Агрона своим весом, у него будет возможность ещё несколько раз выстрелить в ответ и пасть наподобие героев из песен, которые поют барды. Агрон знал, что брат его не бросит, и в худшем случае они оба погибнут.

Первая стрела была ближе всего к своей цели. Ещё три стрелы пронеслись намного выше головы Агрона. Несколько стрел были предназначены для Дурона, но и в него никто не попал. В конце концов, кентавры начали отставать, но братья продолжали гнать своих лошадей ещё некоторое время. Убедившись, что погоня окончательно прекратилась, Агрон, наконец, потянул поводья, заставив своего скакуна притормозить. Дурон последовал его примеру, и запыхавшиеся лошади, наконец, смогли перевести дыхание.

Агрон спрыгнул с седла на землю с негромким хрустом почти растаявшего снега. Он потянулся в колчан, висевший у него на поясе, отобрал все испорченные стрелы и выкинул их. Четыре снаряда остались целыми, но надолго их не хватит. Дурон подошёл к брату и собирался что-то сказать, однако не находил слов. Агрон его прекрасно понимал. Они думали об одном и том же, но высказаться не получалось ни у того, ни у другого.

Агрон присел на траву, согнул колени и положил на них локти, сняв перед этим колчан и положив его рядом. Он никуда не смотрел – в его голове творился полный бардак. Дурон присел рядом, облокотился на землю и откинул голову назад, посмотрев в ночное небо. Тёмно-синяя высь была полностью усыпана звёздами. Многие из них сливались в созвездия. Дурон беглым взглядом различил Щитоносца, Медведя и Неуфреда – Отца Свободы, под знаком которого родились они с братом. Злая ирония не позволила близнецам подтвердить значение созвездия, под которым они родились. Даже боги не покровительствовали им. Подумав об этом, Дурон на секунду почувствовал сильнейший холод.

– Это было..., – начал Дурон, но не смог продолжить. – Это было...

- И не говори, – ответил на это Агрон.
- Какого хрена они напали? – спросил Дурон, направив пустой взгляд вперёд.
- А я откуда знаю?

Агрон задумался о словах брата. Дурон действительно задал правильный вопрос. Агрон был уверен, что кентавры не воевали с людьми с незапамятных времён, если вообще когда-то воевали. Местные жители тоже не докучали полуконям, не делая ничего, что могло заставить их внезапно напасть. В Фоулдестракте работало негласное правило: никому не мешаем мы – никто не мешает нам. Удивительно, но ему подчинялось всё – даже дикие животные не нападали на деревню. Налёт кентавров, который не имел внятного объяснения, заставлял сильно волноваться.

- Может, вернёмся? – предложил Дурон, заставив брата удивлённо посмотреть на него.
- Нет, – твёрдо ответил Агрон. – Назад мы не поедem.
- Но, может быть, кто-то выжил? Мы должны помочь...
- Вздор не неси, Дурон. Сомневаюсь, что эти твари оставили кого-то в живых.

Дурон понимал, что брат прав, и им не стоило возвращаться. Все, кто мог сражаться, сразу схватились за оружие и погибли с ним же в руках. Что же до остальных жителей Фоулдестракта, то близнецам было плевать на них. Все они являлись стедмарцами, а, значит, добра им никто не желал. Судя по всему, в сегодняшней резне удалось выжить лишь братьям-лайдерам. Возможно, кто-то успел воспользоваться ещё парой лошадей, которые оставались в конюшне.

- Поехали, брат, – негромко сказал Агрон и поднялся на ноги.
- Куда? – спросил в ответ Дурон. – В Ильдарос?
- Угу.

Братья встали и подошли к своим лошадям. Усевшись в седло, Агрон послал своего скакуна рысью в направлении Ильдароса – город, который находится прямо на Юго-западной дороге. Никто не знал, почему эта дорога называлась Юго-западной, потому что она с тем же успехом могла называться и Северо-восточной. Всё зависело от направления, в котором шли люди по этой дороге. Агрон думал, что название напрямую связано с тем, что Ильдарос является столицей Стедмара, а туда ходили в разы чаще, чем из неё.

В столицу ехать было опасно. Агрон понимал, что никто из солдат их не запомнил, и даже императору нет до них дела, но страх быть узанным всё равно оставался. Гораздо спокойнее было бы ехать в плаще с капюшоном. Если по пути попадётся какая-нибудь деревенька, то, возможно, удастся как-нибудь сторговаться с местными продавцами. Однако и тут у близнецов будут трудности, потому что торговцы верят только монетам, которые видят перед собой, а ни у Агрона, ни у Дурона денег с собой не было.

Ночное небо продолжало слабо освещать округу едва заметным звёздным светом. Тёмные очертания кустов колыхались на несильном ветру, заставляя порой думать, что в них кто-то прячется. Если бы взошла хотя бы одна из трёх лун, ехать было бы в разы спокойнее. Агрон хотел узнать, сколько времени они отдыхали после нападения кентавров, но ночью, ещё и безлунной, это было невозможно. Неожиданно живот лайдера издал недовольное бурчание. Лишь после этого Агрон осознал, что успел проголодаться.

В течение нескольких часов близнецам не встретилось ни единого путника и ни одного поселения. Агрон примерно знал о том, как расположены деревни в этой области, и был уверен, что в скором времени им должна попасться одна из них. Большая часть троп уходила в поля к фермам или в небольшие перелески.

Близнецы долго ехали молча, потому что говорить им было не о чем. Всё, что можно было обсудить, было уже обговорено. Понемногу братья осознавали, что кентавры убили всех, кого они могли считать друзьями. Они остались вдвоём и могли рассчитывать только друг на друга. От этого становилось тяжело на душе. Агрон размышлял, станут ли кентавры их преследовать

из-за того, что близнецы убили одного из них? Возможно, погоня была как раз из-за убийства полуконя. Агрон решил выкинуть мрачные мысли из головы и продолжил скакать вперёд.

Внезапно лайдер заметил, что небо начало светлеть. Близнецы переглянулись, удивившись тому, что они провели в пути всю ночь. Последние видимые созвездия растворялись в предрассветном зареве, уступая место лазурному небу. Однако холода не убавилось. Пусть день обещал быть солнечным, зима ещё была главной на арене погоды. Агрон поёжился и выпустил изо рта прозрачное облако пара.

Заметив дома чуть в стороне от дороги, Агрон поначалу решил, что это окраина пригорода Ильдароса, но почти сразу понял, что ошибся. Пусть их лошади бежали рысцей всю ночь, этого времени было недостаточно для того, чтобы добраться до столицы империи. Кроме того, не было видно городских стен. Агрон решил, что это одна из деревень, о которых он уже сегодня вспоминал. Возможно, там им дадут приют, но он тут же вспомнил, что денег у них с братом не было, так что в трактиры можно было даже не заглядывать. Проситься на ночёвку в каждый дом тоже не принесёт никаких результатов – они находились не на территории Рессулии⁹, чтобы им были рады в каждом жилище. Так толком и не решив, как им следует поступить в этой деревне, Агрон тронул каблуками своего коня, потянув поводья направо, и тот немного ускорился. Дурон поступил так же.

Доехав до ворот деревни, Агрон увидел стражников и старался на них не смотреть. Они не узнали в путниках врагов империи и дали спокойно проехать. Сердце лайдера бешено колотилось, и успокоиться ему удалось нескоро. Агрон окинул деревню взглядом.

Обычное небольшое поселение с работающим народом. За то время, что они добирались до деревни, солнце уже успело окончательно проснуться и оповестить народ о том, что наступил новый день. На подъезде к поселению до ушей братьев донеслись залиvistые крики петухов, что говорило о том, что рабочий день начался. Все, кого братья видели на улице, были заняты делом. Кто-то копался в своём огороде, кто-то дубил кожу, кто-то вёз в телеге продукты. Агрон задержал свой взгляд на кузнеце, который в поте лица долбил молотом по куску раскалённого железа. Лайдеру следовало зайти к нему – кроме кинжала у него оружия не было. Он с завистью глянул на меч Дурона, который тому повезло захватить с собой. Агрон сразу решил, что лук, можно продать, но много денег они с этого, скорее всего, не получают. Торговцы любят переоценить свой товар и недооценить чужой, постоянно используя уловки, чтобы получить больше денег от покупателя.

Агрон подвёл своего коня к корыту с водой, стоящему около таверны, и спешился. Лошадь тут же опустила голову и принялась жадно пить прохладную жидкость. Лайдер решил зайти в таверну, чтобы узнать свежие вести. Возможно, кто-то знал и про кентавров или, на худой конец, про императора. Правитель Стедмара по-прежнему являлся угрозой для повстанцев, несмотря на то, что открытую погоню за оставшимися людьми Катрапса не объявлял. Дурон решил остаться с лошадьми. Агрон кивнул и зашёл в таверну.

Внутри было достаточно чисто. Агрон любил чистоту – как-то раз, он останавливался в каком-то заведении, в котором был толстый слой пыли высотой с целый дюйм, а на стулья лучше было и не садиться вовсе – все они были покрыты жирными пятнами и еле держались на ножках. Здесь же всё было очень неплохо. У противоположных стен таверны располагались два длинных стола, которые пустовали, а вот за ближайшим к владельцу уже сидели трое каких-то мужчин.

Агрон подошёл к деревянной стойке, ощутив затылком удивлённый и изучающий взгляд завтракающей троицы. Почувствовав себя неуютно, лайдер встретился глазами с владельцем таверны: лысым мужчиной, среднего роста, небогато одетым. Подняв глаза на нового посетителя, мужчина равнодушно спросил:

⁹ Рессулия – самая северная страна Лоринара, населённая рессулиями (северянами).

– Что будем пить?

Однако видимое поначалу дружелюбие испарилось буквально за секунду. Глаза Лысого из заинтересованных превратились в сердитые, от чего воздух тут же напрягся, словно струна. Агрон непонимающе смотрел на владельца таверны, пытаясь понять, что же послужило причиной такой перемене. Троица, сидящая позади него, притихла, ожидая продолжения разговора.

– Да пока ничего, – небрежно ответил Агрон, делая вид, что у него есть деньги, но тратить их он не хочет. – Просто интересно, о чём народ судачит.

Эта манера разговора только сильнее разозлила Лысого, потому что его брови почти сошлись над глазами, а скулы начали подрагивать

– О разном народ судачит, – голос владельца таверны, казалось, промёрз насквозь.

Агрон всё ещё не понимал, почему вдруг Лысый его так возненавидел. Внезапно до него дошло – владелец таверны признал в нём лайдера. Это действительно было нетрудно, потому что внешность обоих близнецов была типичной для народа Крартела: чёрные, будто покрашенные углём, волосы, близко посаженные глаза и кожа на несколько оттенков темнее, чем у стедмарцев. Причина внезапной ненависти больше не являлась загадкой, но Агрон решил во что бы то ни стало попытаться выведать у Лысого хоть какие-нибудь сведения.

– Об императоре что-нибудь говорят? – на сей раз Агрон постарался сделать свой тон как можно безразличнее.

– Имеешь в виду после окончания гражданской войны? – переспросил владелец, но по его взгляду было видно, что он не считает участников войны одним народом. – Да ничего о нём не говорят, кроме того, что ему следовало бы добить то, что осталось от повстанцев.

Глаза Лысого не стали теплее – лишь продолжали пронизывать лайдера ледяными копиями. Агрон не выдержал и нервно сглотнул под таким напором непонятной ненависти. Ему очень хотелось сказать что-нибудь в ответ, точно так же унижить хозяина таверны, но лайдер до последнего терпел эти выходки, чтобы услышать интересующие его сведения. Решив ещё попользоваться деланным гостеприимством хозяина таверны, Агрон продолжил:

– А ничего необычного в последнее время не было?

– Ты, видимо, плохо знаешь эти места, – усмехнулся Лысый. – Хотя куда уж тебе в наших краях разбираться. Хонен – тихое место. И лучше бы ему таким и оставаться.

Последние слова были произнесены с нотками угрозы. У Агрона исчезли последние крупницы сомнений в том, что владелец таверны не жалуется лайдеров. Пропускать мимо ушей очевидную угрозу Агрон не собирался. Слегка нахмутив брови, лайдер решил продолжить допрашивать Лысого.

– Как у вас тут вообще? – Агрону что-то подсказывало, что в скором времени владелец его пойдёт куда подальше, но останавливаться не собирался. – Мы с братом тут впервые.

– И, надеюсь, в последний раз, – буркнул Лысый. – Обычная деревня, с какой стороны ни глянь. Больше ничего и не добавишь.

– Что, вообще ничего не происходило?

– Зуб даю.

«Значит, нападение кентавров было первым, – подумал Агрон. – Или просто никто не выжил, раз уж даже владелец таверны ничего не знает об этом. Хотя, может, он просто не хочет говорить с лайдерами?».

Лысый продолжать разговор не собирался – его вполне устраивало наступившее молчание. Агрон вновь почувствовал, как ему в спину упёрся чей-то любопытный взгляд. Трое едоков были всё ещё заинтересованы в текущем разговоре. Кроме них в таверну вошли ещё двое мужчин и одна женщина, которые расположились подальше от владельца, но тут же наострили уши. Натянутая тишина, прерываемая лишь приглушённым чавканьем и едва слышным стуком столовых приборов, начинала действовать Агрону на нервы. Лайдер пошевелил скулами, после чего медленно выдохнул и спросил:

– Слушай, дружище, а не подскажешь, как тут подзаработать можно?

– А вот прямо здесь и написано, как можно подзаработать. Особенно таким, как ты, – с этими словами Лысый протянул собеседнику лист пергамента.

Агрон чуть слышно разочарованно вздохнул. Взяв лист в руки, лайдер перевернул его и убедился в том, что его подозрения были верными. На пергаменте было что-то написано, только Агрон при всём желании не смог бы узнать, что именно. Среди лайдеров, живущих в Стедмаре можно было по пальцам пересчитать тех, кто владел грамотой, и братья к таким счастливицам не относились. Более того, после недавнего восстания значительная часть имперцев по-настоящему возненавидела порабощённый народ, а потому стедмарцы не потерпели бы хотя бы одного образованного и начитанного лайдера. Разочарованно поджав губы, Агрон посмотрел на Лысого и спросил:

– И что же тут написано?

– Прости, я думал, что хоть читать ты умеешь, – деланно ухмыльнулся владелец таверны, однако, всё же, ответил. – Император объявил награду за головы трёх наёмников. Убьёшь их, срежешь бляхи в виде сорок и отнесёшь канцлеру, в Ильдарос. Лёгкие деньги, не так ли?

– А за что этих наёмников так не любят? – Агрон подозрительно посмотрел на собеседника, пытаясь понять, почему это он вдруг стал с такой охотой рассказывать подробности написанного на пергаменте.

– Неужели тебе есть хоть какое-то дело до этого? – вскинул брови Лысый. – Не любят, да и всё тут. Главное же, что деньги заплатят. Ах да, эти ребята бродят где-то неподалёку от пролива Амплус. Возможно, они до сих пор там.

– И сколько платят?

– Сто золотом за голову каждого.

Агрон некоторое время смотрел сердитым взглядом на владельца таверны, после чего пробормотал что-то себе под нос, повернувшись к собеседнику боком. Лысый не расслышал слов лайдера и наклонился поближе, чтобы переспросить, но внезапно к его горлу прижалось лезвие кинжала.

– Имей в виду, – сквозь зубы процедил Агрон, наклонившись к уху владельца таверны. – Я не перерезал тебе глотку только потому, что хотел узнать последние слухи.

Убрав кинжал в ножны, лайдер отправился к выходу из таверны. Ненависть к стедмарцам вновь заполнила его сердце, и он изо всех сил сдерживался от того, чтобы не убить Лысого владельца таверны.

Возмездие за вред природе

Перегонный куб постепенно наполнялся паром – это говорило о том, что в скором времени настойка будет готова. Всё, что останется сделать – дать ей остыть и разбавить мёдом для ослабления горького вкуса. Эрленд Сайвон подошёл к столу и взял бутылку хорошо настоянной медовухи. Лучше всего добавлять сладковатое питьё, когда настойка ещё горячая – так вкус станет гораздо лучше. Поставив бутылку рядом с алхимическим столиком, Эрленд слил всю жидкость из перегонного куба в небольшой пузырёк и быстро перенёс его на подставку. Не теряя времени, алхимик подлил туда несколько капель медовухи и вытер вспотевший лоб. Оставалось только ждать, пока настойка остынет.

Эрленд вышел в другую комнату своего дома и сел на стул возле стола. С обезболивающей настойкой было покончено, но их осталось мало. В скором времени ему придётся идти за ингредиентами, чтобы приготовить ещё. В последнее время к нему часто приходили наёмники и прочий сброд, которым эти настойки нужны в разы больше, чем тем же стражникам. Спрос на обезболивающие был всегда, но сейчас их сметают с полок быстрее. Какая-то часть Эрленда считала, что продавать настойки и припарки наёмникам было не очень хорошо, ведь «сороки» могли использовать их не по назначению. Когда-то Эрленд продавал ещё и яды, потому что очень нуждался в деньгах, но в скором времени перестал это делать. Он являлся целителем и должен был помогать людям, а не убивать их. Однако в ядах Эрленд разбирался всё так же хорошо, и это работало на него. Время от времени стража Айнэста просила его вскрыть тело и определить, не умер ли человек от яда. За это не платили, но у Эрленда появлялось какое-то чувство гордости за то, что он помог закону.

Солнце уже поднялось из-за горизонта, и Эрленд потушил масляную лампу. Пора было завтракать, а потом отправляться к командующему Королевской Гвардии. Целитель получил просьбу о приходе вчера и не переставал думать об этом ни на минуту. Даже во сне ему привиделось, что он размышляет о будущем визите, корпя над своими заметками. Вспомнив о том, что спал он сегодня не больше двух часов, у Эрленда тут же начали слипаться глаза. Кое-как проглотив миску лукового супа, целитель подошёл к полке с эликсирами и достал «Беличий раствор». Уже четвёртый день подряд Эрленд пьёт этот эликсир каждое утро, и это плохо сказывается на его здоровье. Двое суток подряд организм переносит достаточно стойко, но дальше изо дня в день состояние будет ухудшаться. Несмотря на общее заблуждение, «Беличий раствор» не придаёт человеку сил, а лишь черпает энергию из запасов самого организма. Употребляя его примерно две недели, человек умирает от истощения. Эрленду было сорок три года и, несмотря на то, что это ещё далеко не престарелый возраст, «Беличий раствор» действует на него очень плохо.

Решив, что сегодня он обязательно выспится, и не будет пить эликсир хотя бы пару месяцев, Эрленд опрокинул пузырёк с раствором себе в рот. Горьковатый привкус быстро сменился кислым, и алхимик мигом стал чувствовать себя гораздо бодрее. Стараясь не думать о том, как это отразится на его состоянии в будущем, Эрленд взял свою сумку с парой склянок, несколькими ингредиентами и пером с пергаментом и чернильницей.

Только алхимик повесил свой скарб через плечо, как дверь его дома открылась, и внутрь ворвалось слабое дуновение морозного воздуха. Эрленд посмотрел в сторону входа. Он уже знал, кто зашёл, ещё до того, как увидел её. Худая девушка с ростом ниже среднего отряхивала копну русых волос от налетевшего снега. Аннетия ушла рано утром, когда солнце ещё едва поднялось над землёй, и вот сейчас вернулась.

– Доброе утро, – приветствовала она целителя. – Выглядишь бодрячком. Неужели, всё же, поспал?

– Нет, толком не ложился, – ответил Эрленд. – Не хочу ещё спать, да и времени нет.

– Да ладно, думаю, сэс Лемдал тебя простил бы, – усмехнулась Аннетия, ставя корзину с собранными корнями и ягодами на стол.

Она живёт с целителем каких-то полгода, и он уже успел привыкнуть к её постоянному присутствию. Эрленд поначалу противился её желанию помогать в его работе, но в конечном итоге сдался. Помощи от неё было не слишком много, потому что ранее Аннетия никогда не имела дела с алхимией. Эрленд даже не пытался её чему-то обучить – доверил лишь собирать травы и другие ингредиенты. Благо, в этом на неё можно было положиться – большая часть крестьян хорошо разбирались в этом.

Проходя мимо Эрленда, Аннетия, ненароком или же специально, посмотрела ему прямо в глаза. Это всегда вводило алхимика в некий ступор. Взгляд девушки был способен заворочить, но вместе с тем он заставлял алхимика чувствовать себя не в своей тарелке. Причиной тому была гетерохромия. Один её глаз был нежно-голубого цвета, а другой – очень светлый, практически белый. Это считалось недобрый знаком, поэтому большая часть людей старалась избегать разговоров с Аннетией. Возможно, именно поэтому она предпочитала натягивать на голову капюшон и не смотреть никому в глаза.

Алхимик уже было собрался выходить, но был окликнут своей помощницей. Заглянув в комнату, он тяжело вздохнул, увидев в её руках пустой пузырёк.

– Только не говори мне, что ты опять пил этот раствор, – умоляющим голосом сказала Аннетия.

– Ладно, не буду говорить, – пожал плечами Эрленд, предвкушая порцию упрёков в свой адрес.

– Спать ему не хочется, – буркнула девушка, ставя пустой пузырёк на место. В её разноцветных глазах проскользнул немой укор. – Эрленд, ну ты же сам говорил, что это опасная штука, если её часто принимать. Это ведь четвёртый день подряд.

– Слушай, я спал вчера и позавчера несколько часов, так что всё не так плохо, – отмахнулся целитель.

– Ты ведь уже не мальчик, Эрленд, – всплеснула руками Аннетия. – Что, если ты привыкнешь пить эту дрянь?

– Не начинай, а, – попросил её алхимик. – Давай, потом об этом поговорим, если тебе так хочется – я на встречу с Лемдалом опаздываю.

Аннетия обеспокоенно вздохнула, понимая, что её слова никак не подействовали на Эрленда. Она не в первый раз сталкивалась с таким упрямством и давно уже сделала вывод, что чем старше становится человек, тем больше у него появляется самоуверенности, не говоря уже о том, что взрослый мужчина никогда не прислушается к молодой девушке, которая, по его мнению, вообще ничего не знает о жизни. Эрленд попрощался с Аннетией и вышел из дома.

Всю прошедшую ночь шёл снег. Алхимик ступил на припорошенную мостовую и, прищурившись, посмотрел на слепящее белизной небо. Ни единой снежинки сверху не падало, но свежий, хрустящий наст давал понять, что зима не хочет покидать Кемендум, несмотря на то, что холод почти не чувствовался. Эрленд мог даже не кутаться в свою зимнюю целительскую мантию.

В такое раннее время жители Айнэста ещё спали мертвецким сном. Сейчас бодрствовали только стражники и Эрленд Сайвон. Алхимик давно жил в Айнэсте – на протяжении двадцати лет. Эрленда никогда не прельщала шумная столица Кемендума, но так уж вышло, что этот город стал частью его. В этом городе жил человек, который, а точнее которая, стала самым важным персонажем в его повести жизни. Лилли Эндерматт – это имя Эрленд никогда не забудет. Слишком много тёплых чувств было связано с этой девушкой. Эрленд усмехнулся. Он называет Лилли девушкой, хотя сейчас ей было бы никак не меньше сорока. Это было даже к лучшему, ведь она запомнилась ему в самом расцвете своей красоты. Без неё он, возможно, никогда и не стал бы целителем. Именно Лилли приоткрыла Эрленду завесу, за которой скры-

вался восхитительный мир алхимии. Если бы не она, его жизнь могла повернуться совсем по-другому. Вместе с этим целителю вспомнилось и то, что если бы не он, то Лилли до сих пор была бы жива.

Он часто вспоминает о ней, и это всегда приносит с собой лишь горечь утраты. Всё потому, что целая наука под названием «алхимия» напоминала Эрленду о лучших днях его жизни. Он часто говорил себе, что если бы он лучше знал эту науку, то Лилли была бы жива. Оплошность Эрленда стоила жизни самому дорогому для него человеку. Спустя пару дней после смерти Лилли, Эрленд узнал, что растение, которое ужалило девушку, и яд он определил правильно, но вот лекарство было неверным. Ради памяти о своей любимой Эрленд пообещал себе, что посвятит всю свою жизнь изучению алхимии и займёт её место целителя в Айнэсте. Двадцать лет исследований ингредиентов и создания собственных эликсиров. Работа позволяла отвлечься от произошедшей трагедии, одновременно напоминая о ней. Эрленд не пытался сосчитать, как часто вспоминает Лилли – это была бы слишком большая цифра.

Забывшись в сладостных и в то же время горьких воспоминаниях, Эрленд и не заметил, как подошёл ко рву, отделяющему королевский замок от остального города. Аккуратно ступая по скользкому подъёмному мосту, алхимик пересёк ров и оказался во владениях дворца. Обычно командир гвардии короля обитал где-то внутри, неподалёку от Его Величества. Но сегодня путь Эрленда лежал не к королю, а в башню самого командующего. Видимо, дело, о котором его оповестили недавно, предстоит решать лично комгварду¹⁰.

Сказав стражникам своё имя и цель визита, Эрленд вошёл в башню. Она была невысокой, и подъём наверх по винтовой лестнице не вызвал у алхимика особых затруднений. Взобравшись на самый верх, Эрленд постучал в дверь. После разрешения войти, он открыл её.

Перед ним стоял сэр Лемдал Барн – командующий королевской гвардией. Сколько целитель его помнил, он вообще не менялся со временем. Самым заметным отличием от семнадцатилетнего солдата, когда Эрленд увидел комгварда впервые, было наличие постоянной грубой щетины того же светлого оттенка, как и его волосы, свисающие почти до плеч. Широты в плечах тоже прибавилось за эти семь с небольшим лет.

Эрленд знал комгварда давно – в первый раз он увидел сэра Лемдала ещё будучи начинающим целителем, в то время как тот был обычным солдатом. По мнению Эрленда, их знакомство вышло случайным, однако сэр Лемдал был уверен, что алхимика ему послали свыше. Тогда комгвард был ранен, и его доставили к первому целителю, попавшемуся по дороге. Рана была несерьёзной, но уже грозила загноиться. Эрленду не составило труда спасти сэру Лемдалу жизнь, и таким образом целитель заслужил пожизненную благодарность от будущего комгварда короля Кемендума. С тех пор Эрленд виделся с Лемдалом почти регулярно. Трудно сказать, стали они друзьями или нет, но целитель всегда относился к комгварду с большим уважением и старался помогать ему по мере возможностей.

– Сэр Лемдал, – произнёс Эрленд, отвесив небольшой поклон командующему. – Рад видеть вас в добром здравии.

– Это взаимно, Эрленд, – ответил сэр Лемдал, многозначительно посмотрев. Эрленд стал обращаться к нему на «вы» с тех пор, как Лемдал стал комгвардом, и ему это не очень нравилось.

Целитель осмотрел людей, стоящих рядом с комгвардом, не узнавая никого из этих рыцарей. Учтиво поклонившись всем присутствующим, Эрленд продолжил:

– И чем же я обязан вашим приглашением?

– Мне нужна твоя помощь.

«Серьёзно, что ли?» – усмехнулся про себя Эрленд, но вслух сказать не посмел.

¹⁰ Комгвард – сокращение от «командующий гвардией». Так обращались только к командующим королевской гвардией.

Сэр Лемдал дал команду своим гвардейцам разойтись, и Эрленд увидел жуткую картину. Перед ним на разных столах лежали четыре человека – сомнений в том, что они мертвы, не возникало. Эрленд отвёл взгляд в сторону, сдерживая рвоту. Ему приходилось иметь дело с ранеными и только что убитыми людьми, но такого ему видеть ещё не доводилось. Трое погибли от серьёзных ран – у них у всех была большая резаная борозда почти во всё тело. Четвёртый труп тоже выглядел ужасно – у него не было таких ран, но были сломаны несколько рёбер, которые наверняка вызвали сильное внутреннее кровотечение. Сами трупы больше всего походили на бандитов с их лёгкой экипировкой, которую не сняли с убитых.

– Что с ними случилось? – первым делом спросил Эрленд, подходя к ближайшему телу, у которого глубокий порез проходил от левого плеча где-то до середины живота. Не иначе здесь поработал кто-то с двуручным мечом. Но это могла быть и секира. С другой стороны, оставить подобную рану секирой было затруднительно – под её тяжестью тело скорее было бы разрублено, в отличие от конца лезвия большого меча, который мог оставить такую рану.

– Никто не знает, – нехотя ответил сэр Лемдал. – У этих солдат было секретное задание.

– Так это солдаты, значит? – удивился Эрленд, не отрываясь от осмотра. Он давно не работал с трупами, но навыки и знания ещё сохранились. Предположение насчёт двуручного меча всё ещё было преобладающим – такие длинные раны трудновато оставить обычным мечом.

– Да.

«Многословен как всегда», – подумал Эрленд, щупая рану. Кровь уже сильно подсохла, тело было холодным, похоже, что погибли они около нескольких дней назад.

– Давно они мертвы? – спросил Эрленд, подходя к другому трупу.

– Сюда они были доставлены вчера вечером, – отчеканил сэр Лемдал. – Точного времени смерти не знаю.

– Как долго они не отчитывались?

– Я послал своих людей, как только не получил их ежедневного отчёта. На следующий день они были уже здесь.

«Три дня, значит», – обследования второго тела не принесло ничего нового, кроме пробитых насквозь доспехов. Отверстие было весьма небольшим и представляло собой рваный кружок, равный примерно двум дюймам в диаметре. Третье тело заинтересовало Эрленда больше, чем первые два. Помимо распоротого живота, из которого открывался крайне неприятный вид на кишечник, у этого трупа была глубоко надрублена верхняя часть правого плеча. Как будто кто-то хотел разрубить этого солдата пополам, но не справился, выдернул оружие и убил его, проведя лезвием по животу.

Эрленд подошёл к последнему трупу. Он, пожалуй, был самым необычным. Сломанные рёбра говорили о том, что этого человека ударили чем-то тяжёлым – возможно, молотом или булавой.

Эрленд посмотрел на соседний стол, где лежал смятый нагрудник. Что-то смутило целителя в этом. Сразу видно, что доспехи были очень тонкими. Такие можно пробить даже кинжалом, если знать, куда наносить удар. Нагрудник был сильно помят и, казалось бы, очевидна работа молота, но что-то было не так. Эрленд знал, как выглядит броня после знакомства со стальным набалдашником молота, и то, что он видел перед собой, не было похоже на тяжёлый удар дробящего оружия. Доспехи больше мялись под натиском молота, нежели ломались. Броня убитого солдата была пробита. Сразу возникло предположение о булаве, в первую очередь о той, которой пользуются северяне – если Эрленду не изменяла память, она называлась шестопёр.

Однако была ещё одна деталь. Присмотревшись получше, целитель заметил, что примерно в середине большой вмятины было едва заметное возвышение, будто некая перегородка. Алхимик подумал о том, что это были два одновременных удара молотом, но тут же прогнал

эту догадку. Тут в голове Эрленда всплыл случай многолетней давности, когда он пытался спасти рыцаря, которого лягнула лошадь, вставшая на дыбы. Тогда на доспехах раненого были похожие отметины. Но ситуация вновь не укладывалась в голову. Получалось, что помимо неких нападавших там был ещё и всадник, либо все нападавшие были верхом на конях. Всадники обычно не нападают на бандитов, потому как те сами к ним не суются.

– А скольких убили твои люди? – спросил для начала Эрленд, порадовав командующего переходом на «ты».

– Ни одного, – ответ сэра Лемдала удивил алхимика. – Если они кого и убили, то трупы кто-то унёс.

Эрленд выдержал паузу, ещё раз осмотрев сломанные кости трупа, и сказал напрямик:

– Я всё ещё не понимаю, зачем ты вызвал меня.

– Хочу, чтобы ты сказал точно, как именно они погибли, – отчеканил комгвард.

– А тебе самому непонятно? – вскинул брови целитель.

– Нужно мнение знающего человека.

– Ну, могу высказать лишь пару предположений, – начал алхимик, втайне возгордившись доверием комгварда. – Судя по всему, двоих из этих бедолаг убили одним ударом. Того, – Эрленд указал на мертвеца с двумя ранами, – видимо, тоже собирались прикончить за один удар, но что-то пошло не так. Вон тот дальний – самый интересный. Уж не знаю, чем его ударили – это наиболее неразрешимая загадка.

– Согласен, – кивнул сэр Лемдал. – Похоже на следы копыт, так?

– Именно. Куда это ты своих людей отправил, если на них всадники нападали?

– Самая загвоздка в том, что всадники на них напасть никак не могли, – решительно проговорил комгвард. – Они работали на окраине Многолюдного леса, а там верхом очень трудно передвигаться.

Эрленд удивлённо посмотрел на собеседника. До этого момента алхимик и предположить не мог, что погибшие работали в лесу, а потому вполне допускал нападение всадников.

– Тогда я ничего не понимаю, – развёл руками Эрленд и, встретив недоверчивый взгляд сэра Лемдала, указал на смятый доспех. – Сам взгляни, если хочешь, комгвард. Вот эта перегородка, и именно такая перегородка возникает в случаях удара лошадиными копытами, тут у меня сомнений нет.

Наступила пауза, во время которой комгвард осматривал указанную целителем перегородку. Глубоко вздохнув, сэр Лемдал сказал:

– Тогда у нас есть только один подозреваемый.

– И кто же? – недоумённо спросил Эрленд.

– Кентавры.

Алхимик удивлённо посмотрел на комгварда.

– С чего бы кентаврам нападать на людей? – задал очередной вопрос Эрленд.

– Больше некому, – пожал плечами сэр Лемдал. – Как раз хотел спросить, сколько раз кентавры нападали на людей? Ты же увлекаешься историей, может, читал что-то об этом?

– Не припомню ничего такого, если честно, – помотал головой целитель. – А почему бы тебе не обратиться к королевскому алхимику? У него ведь опыта больше, чем у меня.

– Он младше тебя лет на пятнадцать, – ответил комгвард. – Ему я бы не хотел это доверять.

– Видимо, я отстал от последних новостей. А что стало с Асартом?

– Он умер. Асарт и так доживал свои последние дни, но пару месяцев назад ему стало совсем плохо, поэтому пока на его должность король назначил его ученика.

Эта новость произвела впечатление на Эрленда. Асарт долгое время был королевским алхимиком – многие его называли одним из лучших. Эрленд был согласен с этим мнением. За всё время своего знакомства с Асартом у него не было сомнений в знаниях королевского

алхимика. Именно он повлиял на Эрленда так, что его стали интересовать и другие науки помимо алхимии. Асарт хорошо знал историю почти каждого народа Лоринара, много читал про магию и древние артефакты. Его советы королям Кемендума были поистине бесценны. Сам Асарт работал на своём веку у двух королей.

И вот его не стало. Эрленд постарался вспомнить, в каком возрасте был Асарт, когда они виделись в последний раз. Целитель знал, что королевскому алхимику уже тогда было хорошо за сто лет.

– Оповести всех об общем сборе, – сказал Лемдал одному из гвардейцев.

– Слушаюсь, – последовал ответ.

– Я могу идти? – поинтересовался Эрленд.

– Да. Спасибо за помощь.

– Конечно, всегда рад. Ты расскажешь об этом королю?

– Как только сам с этим разберусь. У короля и так полно дел.

– Это каких, например? – скептически вскинул брови Эрленд. Одной из важнейших обязанностей короля была забота о своём народе, а четыре трупы были серьёзным преступлением.

– Ещё не пришёл голубь от союза алхимиков насчёт назначения нового королевского алхимика, – спокойно ответил Лемдал, не обращая внимания на скептицизм Эрленда. – Кроме того, поступило важное письмо от Цезона Невия¹¹.

– Император Стедмара? – вновь удивился Эрленд.

– Он самый.

Алхимик не стал спрашивать подробнее – Лемдал и так сказал достаточно. Эрленд попрощался с комгвардом и вышел из башни. Стоило зайти к командующему, как на голову сразу же свалилось больше новостей, чем за последние несколько месяцев.

Пока Эрленд помогал комгварду, народ уже успел проснуться. За лавками рынка начали появляться торговцы, торопливо отряхивая продукты от снега и представляя свой товар, из кузницы слышался громкий лязг молотка и шипящий звук остужающейся стали. Неугомонная детвора без устали бегала по улицам с какими-то мелкими поручениями или просто догоняли друг друга, бросаясь снежками. Когда-то Эрленд и сам мечтал о детях, но смерть его любимой поставила крест на этой мечте. Он не мог представить рядом с собой кого-то другого, кроме Лилли.

Придя домой, Эрленд плотно пообедал остатками лукового супа и запил горячим рунэльским чаем. Скорее всего, ужинать сегодня он будет поздно, поэтому далее можно будет рассчитывать только на «Беличий раствор». Кроме того, следовало взять с собой в дорогу какую-нибудь еду. Эрленд спустился к себе в погреб, взял оттуда ещё вчера приготовленную отварную говядину, несколько морковок для лошади и вернулся в комнату. Взяв бутылку медовухи, целитель перелил напиток в бурдюк и положил в сумку к говядине.

– Куда-то уходишь? – раздался голос из дальней комнаты.

Эрленд обернулся и увидел Аннетию, спускающуюся с лестницы, ведущей на чердак. Девушка была вся в пыли и слегка растрёпанная. Спустившись с лестницы, Аннетия отряхнула одежду от грязи, после чего несколько раз чихнула.

– Будь здорова, – усмехнулся Эрленд. – Да, надо за парочкой трав съездить. А ты что на чердаке делала?

– Угадай, – усталым голосом ответила Аннетия, закончив, наконец, отряхиваться. – На чердаке твоём прибиралась. Ты там когда был в последний раз?

– Э-э-э, – протянул алхимик, задумавшись. – Месяца два-три назад, наверное.

– Не знаю, имеет ли смысл спрашивать насчёт уборки, – хмыкнула девушка, присев на стул и налив себе кружку воды.

¹¹ Цезон Невий IV – император Стедмара с 976 года нового летоисчисления (НЛ).

– Хех, – только и ответил Эрленд. – Думаю, ты уже сама знаешь ответ.

Аннетия слабо улыбнулась и почти залпом выпила налитую воду. Эрленд, тем временем, подошёл к своему рабочему месту, взял обезболивающую настойку и поставил на полку к остальным эликсирам. Остывшее снадобье уже можно было смело использовать, если возникнет нужда. После этого целитель вновь вернулся к столу, открыл поддон и достал оттуда небольшой нож, которым он срезал растения. Убедившись, что он его отмыл после последнего похода за ингредиентами, Эрленд положил нож в карман.

– Может, лучше я схожу? – предложила Аннетия, вставая со стула. – Тебе же уже не двадцать лет, всё-таки.

– Я ещё не старик, Нетти, – улыбнулся в ответ алхимик. – Могу и сам побродить по лесу. Да и Ласка пока тебе не очень доверяет.

– Ты поедешь на Ласке? – обеспокоенно произнесла девушка. – Так ты не в окрестностях Айнэста будешь травы искать?

– Чего ты так напугалась-то? – сказал Эрленд беззаботным голосом, пытаясь этим её успокоить. – Ну, да, возможно я не только по округе покатаюсь. Не бойся, я не очень долго – к вечеру уж всяко вернусь. Мне в любом случае надо развеяться, а то я последние недели две только и делал, что варил настойки.

Аннетия хотела сказать что-то ещё, но быстро передумала. Судя по всему, она поняла, что Эрленд не откажется от своих замыслов, потому и решила не приставать. Мысленно поблагодарив её за это, алхимик развернулся и хотел было выйти из дома, как ему на глаза попался его арбалет, висящий на стене. Эрленд уже и не помнил, как это оружие попало к нему в руки – в памяти отпечатались лишь то, что это было порядка десяти-пятнадцати лет назад. За это время целитель даже научился неплохо стрелять, однако он никогда не брал арбалет с собой, потому что он не помог бы в случае опасности.

Но совсем без оружия целитель никогда не выходил за припасами, поэтому он взял в руки длинный кинжал в ножнах и прицепил его к своему поясу с правой стороны. Проверив свою сумку, Эрленд попрощался с Аннетией и вышел из дома по направлению к воротам. Покинув Айнэст, он подошёл к конюшням и попросил привести Ласку. Лошадь получила свою кличку за то, что она очень любила, когда её гладили по холке или голове. Когда-то она принадлежала Лилли, очередная память о дорогом человеке. Она купила Ласку незадолго до своей смерти – тогда она ещё была жеребёнком, ей и года не исполнилось. Лилли всегда мечтала о лошади, но не дожидая до того момента, когда смогла бы прокатиться на Ласке. Вопреки своей кличке, лошадь давала себя гладить далеко не каждому человеку – Аннетия до сих пор не могла найти с ней общий язык, из-за чего Ласка так и норовила её куснуть или лягнуть.

В нос целителю ударил резкий запах конского навоза, который возвестил о возвращении конюха. Эрленд поблагодарил его, протянул несколько медяков и взял свою пегую лошадь под уздцы. Путь предстоял неблизкий, а если не повезёт, то придётся идти до самого Многолюдного леса.

Эрленд сунул ногу в стремя, взобрался на спину Ласки и легко ударил по бокам лошади. Ласка побежала по дороге медленной рысью, оставляя неглубокие следы на тонком слое снега. Целитель продолжал направлять лошадь по заснеженной мощёной дороге, пока ему не встретилась широкая тропа. Спустя примерно десять или пятнадцать минут неторопливой езды тропа упёрлась в край Двухцветного луга.

Особенностью этого луга было то, что в зависимости от положения солнца он казался разноцветным. В солнечные дни луг был ярко-зелёным, а ближе к закату казался полностью жёлтым. Именно на Двухцветном лугу имелась одна полезная трава, которая на территории Кемендума больше нигде не росла. К сожалению, сейчас этот луг был почти полностью засыпан последним снегом, поэтому ни золота, ни зелёного цвета видно не было.

Эрленд слез с Ласки и медленно побрёл по лугу. Целитель не раз отмечал, что здесь очень много мелкой живности, вроде насекомых. Изредка встречались и мышки, но кузнечики и сверчки прыгали на кожаные носки сапог гораздо чаще. Однако в это время года ни одно насекомое ещё не отошло от зимовки, поэтому единственное, что слышалось под ногами алхимика – хруст снега.

Достаточно долгое время алхимик безрезультатно бродил по лугу, разрыхляя сапогами верхний слой пороши. Именно по этой причине Эрленд не очень любил зиму – большая часть нужных растений покоилась под белым покрывалом, из-за чего их поиск мог затянуться. Но вот, чуть правее себя целитель смахнул сапогом пушистый снежный покров и заметил нужное растение. В народе оно называлось мягкая осока. Когда-то Эрленд запоминал трудные научные названия всех целебных растений, но довольно быстро перестал это делать. Ему приходится иметь дело с простыми людьми, которые в жизни не запомнят научного названия травы, поэтому Эрленд всегда называл растения простым языком. Мягкую осоку так называли из-за того, что она не режет кожу, в отличие от обычной. Кроме того, её сок хорошо скрепляет повреждённые ткани внутри организма. Она не имеет с обычной осокой ничего общего, кроме идентичного внешнего вида.

Эрленд опустил на одно колено, достал нож и срезал несколько стеблей мягкой осоки. Она требовалась в обезболивающей настойке в очень маленькой дозе, поэтому собранного количества должно хватить надолго. Растение приятно холодило кожу пальцев, оставляя на ней мелкие капли оттаявшего снега. Алхимик положил стебли в сумку и поднялся с земли.

Оседлав Ласку, Эрленд направил её назад, к мощёной дороге, а потом свернул дальше, на восток. Целитель всегда пользовался проверенным путём, если была такая возможность. Дорога напоминала ему, что он идёт по территории людей. Просторы полей и лесов таили в себе какую-то загадочную тягу, но Эрленда почти всегда пугала эта свобода. Ласка, наверняка, чувствовала бы себя лучше среди своих сородичей, на полях. Но будь она на воле, она, скорее всего, не дождала бы до своего возраста.

Дойдя до развилки, Эрленд не свернул и поехал по едва заметной тропе в гору – благо, тропа была хорошо протоптана, и любой ухаб был виден. Насколько он помнил, там, наверху пригорка, находилось кладбище, где хоронили своих людей жители небольшой деревеньки, находящейся неподалёку. Эрленд слез со своей лошади на подходе к кладбищу.

– Не вздумай съесть тут чего-нибудь, – усмехнувшись, наказал он Ласке, хотя и сам прекрасно знал, что она не станет этого делать.

Ласка фыркнула в ответ, будто говоря, что трава всё равно покрыта снегом, и стала осматривать местность, беспокойно вертя головой из стороны в сторону. Лошадь не любила находиться там, где царила смерть. Эрленду и самому было не по себе в подобных местах. Несколько раз алхимику доводилось побывать в городских похоронных залах. В подобных местах становилось по-настоящему страшно, и даже слабый ветерок, колыхнувший огонь факела, заставлял вздрагивать и испуганно оглядываться.

При обходе надгробий у Эрленда по спине побежали мурашки. Алхимик всегда замечал, что на кладбищах слишком тихо. Эрленд уходил всё глубже в лабиринты надгробий, как вдруг прямо над его головой громко каркнула ворона. Вздвогнув от неожиданности, целитель в душе проклял эту птицу. Обойдя ещё несколько заснеженных надгробий, Эрленд, наконец, увидел интересующий его цветок. Он назывался «погибшая краса». Ярко-оранжевые лепестки с чёрными точками около центра, на стебле два-три треугольных листа. «Погибшая краса» росла только на могилах молодых девушек. Считалось, что если этот цветок вырос на могиле девушки, то сами боги подтвердили её красоту. Среди вялых и мрачных цветов кладбища «погибшая краса» сильно выделялась. Эрленд вспомнил, что такой же цветок вырос на могиле Лилли. Однако её «погибшая краса» была небесно-голубого цвета, что является большой ред-

костью. В народе говорилось, что это означало чистоту помыслов умершей девушки. Целитель помотал головой, прогоняя горестные воспоминания.

Достав свой нож, Эрленд срезал цветок и невольно залюбовался его красотой. Это растение было способно пробиться даже сквозь снежный покров посреди зимы. На его оранжевых лепестках блестели редкие снежинки. Большая их часть таяла на «погибшей красе», оставляя маленькие капельки. Будто сам цветок тоже оплакивал безвременно ушедшую в царство смерти девушку, тоскуя о её утерянной красоте. Глубоко вздохнув, целитель положил «красу» в сумку и решил ещё побродить по кладбищу. Он нашёл ещё четыре таких цветка, прежде чем решил, что пора уже двигаться дальше. Ему нужны были только лепестки, а их на каждой «красе» было по десять штук.

Ласка с готовностью поднялась с земли, как только увидела приближающегося хозяина, оставив неровный след от своего тела на снегу. Эрленд видел, что она взволнована. Погладив лошадь по голове, алхимик возобновил свой путь. Осталось только добыть несколько ветвей ранней плакучей ивы. Поначалу Эрленд решил свернуть к озеру Дейлор, которое находилось недалеко от границы с Крартельской провинции империи Стедмар. Там должна расти одинокая ранняя плакучая ива, которая не раз отдавала свои листья на эликсиры Эрленда. Однако два или три раза алхимику пришлось топтать за ивовыми листьями к Зелёной Лиге – реке, которая текла через Многолюдный лес. Её так называли из-за того, что она большей частью своей длины протекает через этот самый лес, беря своё начало из ключевого родника на бывшей территории Крартела.

Свернув к озеру Дейлор, целитель стал внимательно осматривать окрестности. Около этого озера любили охотиться волки, которые зимой становятся особенно озлобленными из-за отсутствия пищи, и всадник на лошади вполне годился на плотный обед для целой стаи. Убедившись, что поблизости нет хищников, Эрленд ещё немного ускорил Ласку. Морозный воздух возвращал радость жизни в душу после мрачного ощущения, которое нагнетает кладбище.

Когда целитель подъехал к озеру, ему стоило огромных усилий, чтобы не выругаться вслух. На просторах скованного льдом озера не было видно ни одного дерева, а на месте, где Эрленд привык видеть ту самую раннюю иву, красовался невысокий пенёк. Какой-то дровосек срубил дерево почти под самый корень. Эрленд взял верх над своим гневом и направил Ласку назад.

Эрленд с сожалением направил Ласку по дороге, которая вела к Атфельду. На повороте к городу нужно было взять на северо-восток и выйти к опушке Многолюдного леса. Можно избежать леса и пройти по окраине до того места, где Зелёная Лига вытекает из него, но Эрленд отказался от этой мысли. Он не был уверен в том, что ранние ивы растут за пределами Многолюдного леса, а потому решил не рисковать.

Эрленд ударил по бокам Ласки сильнее обычного, и лошадь пустилась иноходью¹², от чего следы на снегу стали отпечатываться крайне неравномерно. Алхимику хотелось поскорее добраться до этого леса. Его руки уже начинали чуть-чуть замерзать, и целитель не раз пожалел о том, что не взял с собой перчатки. Тем временем на Эрленда навалилась какая-то усталость. Это было одним из побочных действий «Беличьего раствора». Именно поэтому Эрленд твёрдо решил выспаться сегодня вечером.

Ласка, казалось, была только рада ускорить свой ход. Видимо, прохладный воздух ей тоже был в радость после жутковатого кладбища. Пусть она ни разу не сбегала, но меньше любить свободу она от этого не стала. Лошади были из тех зверей, что любили простор, несмотря ни на что. Попробовав однажды, им захочется ощутить его снова. Если бы Эрленд был уверен,

¹² Иноходь – вид аллюра, особое движение лошади или другого четвероногого животного, заключающееся в одностороннем переставлении ног.

что Ласка будет хорошо и долго жить на просторах полей Кемендума, то отпустил бы её, не задумываясь. Но она не протянет и пары недель, человеческая забота ей необходима.

Думая о свободе и просторах, Эрленду вспомнилось недавнее восстание лайдеров в Стедмаре. Этих людей можно было понять. Рабство имело место быть во всех людских владениях, однако с жителями Краттела дело обстояло несколько иначе. Однажды Стедмар и Краттел уже заключали союз – это произошло вскоре после падения Объединённого Королевства Кемендум. Просуществовав четыреста лет, союз распался, и Краттел вновь стал независимым. И вот, спустя ещё пятьсот лет, Стедмар покорил целый народ, и территория лайдеров входит в состав империи до настоящего 980 года. Лайдеры являются гордыми людьми: всё дело в том, что они были прямыми потомками первого народа, появившегося в Лоринаре – трилваров. Отчасти именно гордость и привела к жёстким податям и немалой дани, которую выплачивали лайдеры империи.

Время уже перевалило далеко за полдень, когда Эрленд увидел вдалеке окраину Многолюдного леса. Пора было остановиться на привал и перекусить. Эрленду казалось, что обедал он очень давно, и аппетит разыгрался с нешуточной силой. Ласка наверняка тоже была голодной, поэтому Эрленд соскользнул со спины лошади и отошёл с натоптанного наста в небольшие мягкие сугробы, начинающиеся сбоку от тропы. Недалеко от тракта было небольшое кострище, где путники останавливались, чтобы отдохнуть. Сейчас это кострище было засыпано снегом, поэтому алхимику не сразу удалось его найти. Отыскав нужное место, Эрленд очистил землю, засыпанную углями, от снега и уже спустя несколько минут, он подогревал говядину на огне, вдыхая аппетитный запах жарящегося мяса. Вспомнив про Ласку, Эрленд достал из своей сумки морковь и подал лошади. Ласка с удовольствием захрустела угощением и прилегла рядом с костром. Её конская туша слегка подрагивала от соприкосновения с холодным настом, однако лошадь быстро пригрелась, и перестала дрожать. Эрленд примостился рядом, откинув спину на лошадиный бок. Ласка негромко фыркнула, требуя ещё моркови.

– Тебе не много будет? – усмехнулся Эрленд, доставая из сумки ещё одну морковь. Ласка снова принялась хрустеть овощем.

Подождав ещё немного, Эрленд взялся за свою говядину. Мясо не успело хорошо прожариться, но алхимик был слишком голодным, чтобы ждать ещё. Очередное плохое действие раствора – организм требует еды всё больше и чаще. Утолив голод, Эрленд поднёс бурдюк с медовухой к губам и сделал несколько глотков. Сладковатая, прохладная жидкость тут же освежила пересохшее горло. Хмельное действие медовухи должен был взять на себя «Беличий раствор», поэтому Эрленд не заботился о своём состоянии и выпил, сколько смог. Ласке, к сожалению, попить было нечего. Эрленд потрепал лошадь по холке, успокоив тем, что она вдоволь напьётся из Зелёной Лиги, которая зимой не полностью покрывается льдом.

Эрленд посидел ещё немного и решил, что пора двигаться дальше. Он поднялся на ноги, и Ласка, смотря на хозяина, тоже встала. Целитель потушил костёр и взобрался на лошадь. До Многолюдного леса оставалось ещё примерно полчаса пути, и Эрленду уже хотелось покончить с этим делом. Это место было опасным. Страха добавляло недавнее нападение на гвардейцев сэра Лемдала.

Тропа была достаточно ровной, но на подходе к лесу она начинала сильно извиваться. Из-за этого большая часть караванщиков ненавидела Многолюдный лес ещё сильнее. Нервно сглотнув, Эрленд направил Ласку напрямиком в чащу. Лес встретил алхимика практически звенящей тишиной, нарушаемой лишь хрустом снега под копытами его лошади. Покрытые белым покрывалом деревья не издавали ни единого треска или шелеста. Из рта целителя и его лошади без устали вырывался слабый пар и практически мгновенно растворялся. Снег образовывал достаточно высокие холмы, за которыми могли прятаться хищники, рыщущие в поисках тёплого мяса.

В какой-то момент на плечо алхимика мягко упала пустая шишка, и он с трудом удержался, чтобы не пустить Ласку галопом. Облегчённо выдохнув, он продолжил смотреть вперёд. Эрленд почувствовал себя неуютно. Кроме разнообразной живности разумных существ в нём не обитало. Разве что кентавров можно было назвать таковыми, потому что они имели свой язык и культуру, кое-кто из них умел говорить и на общепринятом языке. Эрленд мало что знал о народе полуконей, но кое-какие сведения ему в память западали. Они помогали Кемендуму во время нападения орков, которое в народе называли «Войной набегов». Несколько раз какие-то вожаки кентавров вели переговоры с правителями трёх стран: Кемендума, Латории и Рессулии насчёт рубки Многолюдного леса. Тогда полукони доходчиво объяснили, что будут жестоко наказывать тех, кто нарушит уговор, который заключался в том, что жители трёх оговорённых стран не будут уничтожать лес.

В лесу снежного покрова было гораздо больше, чем на дороге. Это место славилось тем, что снег здесь держится долго. Эрленд уже не раз отмечал, что Многолюдный лес был прекрасен в любое время года. Особенно хорошо находиться здесь рано утром, сразу после рассвета. В это время суток здесь можно услышать самых разных птиц. Эрленд несколько раз ходил сюда с Лилли. Она любила послушать трели соловьёв или визгливые крики иволги. Эрленду же было всё равно. Рядом с ней ему казались прекрасными даже каркающие вороны или трещотки-сороки. Но сейчас для соловьёв было слишком рано, а вот вороны и сороки трещали без умолка. Ласке нравился Многолюдный лес. Её вообще привлекала дикая природа – она казалась лошади родной.

Голые деревья не спешили обзаводиться зелёной одеждой. Эрленд не торопясь осматривал окрестности, насколько хватало глаз. Ни единой живой души. Только один раз какая-то мышка пробежала под копытами Ласки. По счастливой случайности лошадь не заметила зверька. Она очень не любила всякую мелкую живность. Больше всего её пугали змеи: один раз Ласка даже сбросила Эрленда с себя, встав на дыбы. Алхимику повезло, он отделался лёгкими ушибами, приземлившись в кучу листвы.

Чтобы добраться до Зелёной Лиги, надо было пройти достаточно глубоко. Им крупно повезёт, если они не наткнутся на стаю волков или одиноко бродящую рысь. Медведи ещё пребывали в спячке, поэтому их можно было не бояться. Кентавров Эрленд тоже не опасался, потому что он не был ни лесорубом, ни браконьером. Однако кентавры вгоняли его в дрожь: эти статные существа – полулюди, полулошади – умели заставить бояться себя. Эрленд слышал рассказы о кентаврах, но сам так ни разу и не добрался до какой-нибудь книги, в которых подробно описываются быт и жизнь полуконей.

Ласка легко трусила по ровному, натоптанному снегу, смотря чётко вперёд. Эрленд всмотрелся и увидел, наконец, блестящую воду недалеко от себя. Спустя минуту, до его слуха уже отчётливо доносился плеск и шум Зелёной Лиги. Эрленд посмотрел по сторонам и увидел чуть поодаль от места, откуда они вышли, большую раннюю плакучую иву. Зелёные ветви дерева были грустно опущены вниз, поближе к воде. Тёмный, почти чёрный, ствол в некоторых местах зеленел ото мха, расположенного в разбросанном порядке. Ранняя ива была одной из немногих деревьев, по которым было невозможно определить север. Она очень сильно выделялась на фоне голых деревьев, представляя собой тёмно-зелёный мазок на бело-сером холсте этого леса.

Эрленд подвёл Ласку к дереву и пустил попить из Лиги. Сам алхимик нагнул к себе ближайшую ветку и срезал несколько отростков. Подойдя с другой стороны, Эрленд срезал ещё пару веток и оставил дерево в покое. Пока Ласка пила из реки, Эрленд любовался кристальной чистотой воды и нерестящейся неподалёку рыбой. Водящиеся в этих водах лососи без устали выпрыгивали из воды, чуть ли не по три штуки за раз.

Когда Ласка напилась, Эрленд сказал, что пора выдвигаться домой. Целитель взобрался на лошадь и тронул каблуками её бока. Можно было не торопиться, но Эрленду очень хоте-

лось вернуться домой и по-человечески выспаться. Кроме того, Аннетия, наверняка, волнуется. «Беличий раствор» скоро должен прекратить своё действие. Чем чаще им пользуешься, тем меньше он поддерживает бодрость и тем страшнее последствия. Ласка не хотела покидать красивую реку, но послушно пошла рысью по направлению к окраине Многолюдного леса.

Внезапно Эрленд уловил помимо лесных шорохов и вороньего крика ещё какой-то звук. Он надеялся, что ошибался, но целителю показалось, что это был вопль. Алхимик замедлил Ласку и прислушался. Звук не повторился, поэтому ему было очень трудно вспомнить, откуда он доносился. Эрленд вновь легко ударил по бокам лошади, продолжая путь к опушке.

Он думал, что уже подъезжает к окраине, как лесную тишину разорвал грозный, почти звериный рык. Это не было похоже на рычание рыси или рёв медведя – он был издан хриплым голосом, который очень отдалённо напоминал человеческий. Рык слышался очень близко. Эрленд повернул голову направо и ужаснулся увиденной картине. В небольшой низине стояли три кентавра, двое из которых были вооружены молотами, а ещё один большим топором, за спиной у него был колчан со стрелами, лук валялся неподалёку. Около копыт полуконей лежали пятеро охотников. Трое уже были мертвы, судя по разбитым черепам и вывернутым рукам. Эрленда едва не стошнило от вида этих тел. Он подвёл Ласку к широкому дереву, из-за которого продолжил наблюдать за сценой.

– Я не браконьер, клянусь! – срывающимся голосом кричал один из оставшихся в живых охотников. – Я простой охотник! Пожалуйста, не убивайте...

Не было похоже, что кентавр его понял. Судя по всему, среди присутствующих полуконей не было тех, кто понимает человеческую речь. Ответом на мольбы охотника была жуткая, хрипая усмешка, за которой последовал нечленораздельный, рванный говор, кое-как складывающийся в непонятные слова. Эрленд впервые в жизни услышал язык кентавров. После того, как из уст кентавра перестала вырываться рваная речь, полуконь лягнул своего «собеседника» в грудь. Человек еле дышал, схватившись за то место, куда пришёлся удар. Из его рта на заснеженную землю закапала кровь.

В следующий миг заговорил другой кентавр, указав на полуживого охотника. Первый полуконь подошёл к своей жертве и прижал её копытами к земле. Охотник взвыл от боли, беспомощно молотя руками по снегу. Кентавр, тем временем, схватил конечности человека в свои руки и с невероятной силой и скоростью дёрнул в стороны.

Организм Эрленда не выдержал, и его вырвало, сопровождая этот процесс утробными звуками. Такого целителю видеть, ещё не доводилось. Трупы, страшные переломы, вывихи, всё это было знакомым, но оторванные у живого человека руки – никогда. Целителя трясло, сердце было готово выскочить из груди, но он не решался пуститься в бегство из-за сковавшего всё тело страха.

Первый охотник с отсутствующими руками уже истёк кровью и не шевелился. Снег вокруг его тела был щедро окрашен тёмно-красной жидкостью, которая продолжала неторопливо вытекать из плеч. Убивший его кентавр успел избавиться от оторванных рук и повернулся к последней жертве. Охотник избавился от стальных тисков ужаса и со всех сил рванул прочь из низины. Кентавров развеселила эта попытка бегства. Один из них поднял с земли внушительный булыжник и кинул в охотника. Камень угодил в верхнюю часть спины и сбил убегающего с ног.

Бросивший камень полуконь что-то сказал. Эрленду показалось, что в его голосе проскользнуло некое расстройство. В следующий момент второй кентавр изобразил на лице высокомерную гримасу, поднял с земли копьё, которое ранее ускользнуло от взора алхимика, и метнул в охотника. Копьё попало в ногу, пригвоздив человека к земле. Внезапно в голову охотника вошла большая стрела, вновь оросив снег свежей кровью, заставляя наст чуть оттаять. Это был последний из кентавров, которому, видимо, надоело смотреть это представление. Из его уст раздалась отвратительная усмешка-рык.

Эрленд понял, что пора было уходить и как можно быстрее, но тут Ласка громко фыркнула. Все три кентавра обернули головы на звук. Эрленд не стал испытывать судьбу и с силой ударил Ласку по бокам. Лошадь громко заржала и пустилась галопом от места расправы, разбрасывая верхний слой снега в стороны. Эрленд не оборачивался назад и не сбавлял оборотов. Даже покинув границу Многолюдного леса, целитель продолжал загонять свою лошадь. Страх заставлял его не останавливаться и не оборачиваться, но ожидаемой погони не было. Ему вслед никто не стрелял и не метал копья.

Эрленд не знал, как Ласка донесла его до самого Айнэста – он даже не был уверен, что они мчались по дороге. Страх ещё не отпустил целителя, когда он, наконец, заметил, что уже стоит около города. Эрленд посмотрел на Ласку. Она была вся взмылена и тяжело дышала – видимо, он совсем загнал свою кобылу. Эрленд по привычке отдал конюху поводья и зашёл в город. Ноги сами несли его к себе домой. Он хотел сейчас лишь одного – упасть в кровать и забыть обо всём, однако заснуть у него вряд ли получилось бы. Мысли летали в голове, словно взбесившиеся пчёлы. Эрленд не успевал ухватить ни одну из них.

Вдруг он подумал об убитых гвардейцах. Предположение комгварда оказалось верным. Нужно было срочно сообщить ему об этом.

Эрленд так и не дошёл до своего дома и взял курс на башню Королевской Гвардии. Он не обращал внимания на людей, снующих около него, и детвору, норовящую сбить с ног. Целитель шагал так быстро, как мог, не срываясь на бег лишь потому, что был слишком напуган. Взлетев по лестнице, ведущей к комгварду, Эрленд очень надеялся, что командир окажется на месте. Алхимик не стал стучать и просто ворвался внутрь. Гвардейцы, по-видимому, только-только собирались выходить. Эрленд не стал тратить время на прелюдии и выпалил:

– Кентавры убивают людей.

Сэр Лемдал немало удивился этой новости.

– Чего? С чего ты... – непонимающе спросил он.

– Я их видел. Ты был прав, это они напали.

Тут Лемдал вытаращил глаза от ещё большего удивления и жестом пригласил алхимика за свой стол.

Старый приятель

«Что ж так холодно-то?».

Эта мысль сидела в голове Орисса последние шесть дней, едва он покидал свою комнату в трактире. Думы о ранней весне испарились, словно и не появлялись вовсе. Улицы Атфельда замело спустя сутки после того, как Орисс провалил своё задание. Однако провалом это назвать можно было лишь отчасти, потому как наёмник не успел заявить о своём отказе заказчику.

Мощёная улица, покрытая свежим снегом, была почти пустой. В такую рань, когда солнце только-только вернулось на небосклон, люди не торопились покидать свои тёплые дома и возвращаться на мороз. Орисс глубоко выдохнул, согревая свои замёрзшие руки сквозь меховые перчатки, и присел на скамью. Улица без людей ему нравилась гораздо больше – не чувствовалось никакой суеты, никто не одаривал его презрительным взглядом, и дети, носившиеся по всему городу, не мозолили глаза.

Орисс залез в карман и достал оттуда злополучное кольцо. Трудно было сосчитать, сколько раз он так делал за последние дни. Золотой цвет вперемешку с зеленоватым отблеском очаровывал, но вместе с тем и пугал. Наёмник до сих пор не забывал того полукровка, который умер на его глазах. Смерть заказчика его не беспокоила – он видел достаточно трупов в своей жизни и успел привыкнуть к этому. Орисса беспокоило то, как убили Вермунда, и то из-за чего. В том, что полукровка был кем-то убит, сомнений не было – невозможно умереть от тоненькой струйки крови, текущей из уха. Ещё больше Орисса волновало то, что среди полукровок, покидающих свою родную страну Латорию, не было простолюдинов или рабов. Выходило, что убийство Вермунда было не простым преступлением, а целью убийц, скорее всего, находилась в руках наёмника.

Услышав хруст снега недалеко от себя, Орисс мигом спрятал кольцо в карман и поднял голову. Мимо него прошёл человек в чёрной одежде с вышитой сорокой на куртке. Решив, что пора отправиться в «сорочье гнездо», Орисс встал со скамьи и пошёл по направлению к зданию, напминавшему обычную таверну, однако предназначалась она лишь для наёмников. Отсюда и происходило её название – «сорочье гнездо». Именно здесь собирались «сороки» со всего города и близлежащих деревень, чтобы получить от наводчиков очередной контракт или просто посидеть и поговорить о делах, не боясь быть услышанными людьми короля. Хоть стражники и смотрели на наёмников сквозь пальцы, спокойно слушать о том, кто что украл или кто кого убил, они не станут.

С невысокой крыши здания свисали длинные сосульки, образовавшиеся из-за резкой смены погоды. Само здание было из серого камня с коричневой черепичной крышей. Кроме того, в нём отсутствовали окна со стороны улицы. Это было сделано, чтобы никакой случайный прохожий не увидел, что происходит внутри. Такие случаи уже бывали, но происходили они очень давно – когда само сообщество «сорок» только зарождалось. Наводчики наёмников быстро поняли, что окна являются лишь помехой для их работы, поэтому впоследствии помимо входной двери «сорочье гнездо» не имело никакой другой связи с внешним миром.

Подойдя к входу, Орисс постучался. С другой стороны послышался шорох, сопровождаемый шагами. Едва звуки прекратились, из-за двери послышался грубый голос:

- Зачем пришёл?
- Надо кое с кем поговорить.
- С кем?
- С Дуинандомом.

Как только Орисс произнёс секретное имя, послышался скрежет щеколды, после чего дверь открылась. Его встречал рослый, крупный наёмник в пластинчатых доспехах. На лице

охранника красовалась татуировка сороки, расположенная на правой щеке. Коротко кивнув в знак приветствия, Орисс вошёл в «гнездо». Наёмник-охранник кивнул в ответ и захлопнул дверь.

Орисс снял с головы капюшон, освобождая свои белые волосы, мигом спустившиеся ниже плеч. Короткий коридор быстро сменился просторным помещением, которое ярко освещало большое количество факелов и свечей. Эта комната была заполнена наёмниками, которые выпивали, болтали о всякой всячине, хохотали над очередной грубой шуткой – иными словами, отдыхали от своей опасной работы. Значительная часть столов была занята, но вместе с тем найти свободный не составляло труда. Откуда-то из угла доносился стрёкот сороки, сидящей на плече своего хозяина-наёмника. Орисс обрадовался тому, что такой любитель ручных сорок сейчас всего один, иначе птичий гомон стал бы просто невыносимым.

Беглый осмотр помещения не принёс ровным счётом ничего. Орисс искал своего наводчика, который должен был вернуться после завершения своих дел. Он даже прислал гонца с письмом, в котором сообщалось о согласии на встречу. Однако если наводчик и был здесь, то, скорее всего, он сидел в подвальном помещении. Решив немного согреться перед разговором, Орисс подошёл к разливному столу, который находился в центре комнаты. Присев на стул с невысокой спинкой, наёмник попросил вина и тут же положил два серебряных силбера¹³. К нему подошёл мужчина возраста чуть меньше среднего, невысокий, короткостриженный, одетый в чёрные штаны и чёрную рубаху с вышитой на ней сорокой. Это всё, что мог рассказать об этом человеке любой наёмник Атфельда, разве что добавил бы, что его зовут Том. Никого не интересовало, кто он такой и как сюда попал, но все точно знали, что наёмником он никогда не был.

Сметя со стола силберы, Том достал откуда-то снизу кубок и доверху наполнил его вином. Поблагодарив его, Орисс отпил немного и тут же почувствовал, как по телу разливается тепло, а в голову слегка ударил хмель.

– Пива налей, – раздался чей-то голос около правого уха наёмника.

Орисс обернулся и увидел рослого «сороку», который приземлился на соседний стул и положил на стол один силбер. Несмотря на то, что лицо наёмника частично скрывал капюшон, Орисс узнал этого человека, который взял принесённую кружку в левую руку и сделал внушительный глоток пива.

– И тебе тоже не хворать, Дезмонд, – не дождавшись приветствия, сказал Орисс, салютуя собеседнику своим кубком.

– Ага, – буркнул Дезмонд, снова делая глоток.

– С заказа, что ли, вернулся? – поинтересовался Орисс. Его нелюдимый собеседник всегда был немногословным, а сейчас, похоже, вообще не был настроен на беседу.

– Не, – ответил Леворукий. – Я уже две недели не работал.

– Что так? – из вежливости поинтересовался Орисс. – Виралл не очень любит, когда мы долго отдыхаем, сам же знаешь.

– Я не отдыхаю, – проговорил Дезмонд. – У меня есть одно дело... важное.

– Хм, даже так. Я бы спросил о подробностях, но ты же не скажешь, так ведь?

Отсалютовав собеседнику, Дезмонд чокнулся с ним кружкой, и наёмники допили каждый своё пойло. Орисс хотел было попросить добавки, но в какой-то момент передумал, решив, что перед разговором с наводчиком не следует налегать на выпивку. Леворукий, в отличие от него, был не против повторить и протянул ещё один силбер. Том взял монету в руку и подлил ему пива.

– Твоего друга тут нет, надеюсь? – спросил Дезмонд.

¹³ Силбер – серебряная монета в Кемендуме.

– М-м? – не понял Орисс, но быстро сообразил, кого его собеседник имеет в виду. – А, ты про Райана. Нет, не думаю, что он здесь. Вознаграждение, поди, тратит в каком-нибудь борделе.

При слове «бордель» Дезмонд едва заметно напрягся. Орисс удивлённо посмотрел на него, однако Леворукий сделал вид, что не заметил заинтересованного взгляда. Возможно, Дезмонд так отреагировал из-за того, что слишком сильно не любил приятеля Орисса – Райана. Однако раньше такого не было заметно. Наёмник предположил, что эти двое уже успели вновь поцапаться, но Леворукий был слишком спокоен.

– Не волнуйся, мы с Райаном, скорее всего, в столицу скоро отправимся, так что вы вряд ли в ближайшее время пересечётесь, – успокоил его Орисс. – Ещё до половины второй луны, думаю, уйдём. В бордели не заглядывай дней шесть-семь и точно с ним не увидишься.

– Я сам буквально завтра утром уезжаю в Стедмар, – сказал Дезмонд, допивая вторую кружку пива почти залпом. – Так что точно ни с кем из знакомых не пересекусь.

– В Стедмар? – Орисс снова удивился. – С какой это радости ты решил туда отправиться?

– Есть одно дело..., не хочу об этом говорить, – отмахнулся Леворукий. – Мне пора, пожалуй – не буду тебя задерживать. Если ты к Вираллу, то он внизу.

– Ага, спасибо, – поблагодарил его Орисс. – До скорого.

– Вот уж в чём сомневаюсь, – усмехнулся в ответ Дезмонд.

После этих слов Леворукий наёмник встал со стула и направился к выходу. Орисс немного посидел, размышляя о том, что у Дезмонда на уме. Так ни к чему и не придя, Орисс пошёл по направлению к лестнице, ведущей на нижний этаж. Внизу тоже было достаточно света. Такое же большое количество факелов хорошо освещало помещение, не оставляя ни одного тёмного уголка. Столов здесь было в разы меньше, чем наверху – за ними в основном сидели наёмники, которые пересчитывали полученную награду или рассматривали листы пергамента, содержащие письменные заказы либо карту Кемендума. Также с противоположной стороны помещения находилась дверь, ведущая на склад оружия и доспехов. Он был не бесплатным, однако его хозяин никогда не интересовался, зачем кому-то понадобилось то или иное оружие, или откуда у «сороки» вдруг появился меч или топор. Кроме того, хозяина склада можно было попросить подыскать почти любое оружие, чтобы оно хорошо подходило наёмнику.

Сделав пару шагов к центру комнаты, Орисс, наконец, заметил своего наводчика, который стоял около стены, прислонившись к ней спиной. Недолго думая, наёмник быстро подошёл к нему. Наводчик имел типичную внешность для кемендумца – бледноватая кожа, карие глаза, прямой нос, тёмные волосы. Вираллу довелось стать наводчиком именно благодаря неприметному облику, который позволял ему оставаться незаметным, даже находясь на улице. Однако одна опознавательная черта у него имелась – его правое ухо было чуть-чуть надорвано в верхней части, будто там не хватало маленького кусочка. Именно из-за этого Вираллу пришлось отрастить волосы до середины шеи, чтобы они скрывали эту деталь.

– О, а вот и ты, – вместо приветствия сказал наводчик. – Ну, выкладывай, почему задание не выполнено?

– Спасибо, что беспокоишься, Виралл, я тоже рад тебя видеть в добром здравии, – с ухмылкой съязвил Орисс.

– Когда не выполняют работу, меня не интересует ничего, кроме причины, – отрезал наводчик. – Зная тебя, я уверен, что она у тебя действительно есть.

– Приятно, что ты обо мне такого мнения, – проговорил Орисс уже более серьёзным тоном. – История действительно интересная.

Наёмник пересказал собеседнику всё, что с ним произошло несколько дней назад. Чем больше подробностей рассказывал Орисс, тем мрачнее становился Виралл. Наёмник опасался наткнуться на заинтересованные взгляды, направленные в его сторону, однако, судя по всему,

на их беседу никто не обращал никакого внимания. Каждый присутствующий в этом помещении был слишком занят своими делами, чтобы отвлекаться на кого-то ещё. Именно за это Орисс любил подвальную комнату.

– Мда-а-а, – протянул Виралл, когда собеседник закончил говорить. – Неприятная история. Надо было вытрясти из него деньги перед работой. Зарекался ведь: с полукровками никаких поблажек. Долбаные полукровки, мать их.

– Да остынь ты, – попытался успокоить его Орисс. – Мне, знаешь ли, ничуть не лучше – задание-то именно я провалил.

В течение нескольких минут Виралл смотрел пустым взглядом куда-то перед собой, пытаясь сообразить, что делать в дальнейшем. Орисс предложил ему подняться и выпить вина, чтобы лучше думалось, но тот отказался. Виралл никогда не выпивал, если находился на работе. Орисс и не думал, что наводчик согласится – он просто хотел нарушить гнетущую тишину.

– Может, это колечко продать можно, – предположил «сорока», доставая артефакт из кармана.

– О, оно у тебя с собой, – оживился наводчик. – Дай-ка хоть посмотрю, из-за чего этого латорианина убили.

Орисс протянул ему кольцо, и между ними снова повисла тишина. Виралл разглядывал кольцо всего пару минут, но его взгляд становился всё более удивлённым. Видимо, он никак не мог понять, что же такого ценного есть в этой побрякушке. Наводчик даже попробовал надеть кольцо, но ничего не изменилось. Орисс посоветовал ему не слишком доверять незнакомой вещи, на что Виралл лишь махнул рукой и продолжил с интересом рассматривать кольцо, но этот самый интерес достаточно быстро испарился.

– Так что насчёт продажи? – повторил Орисс своё предложение, поняв, что его собеседник, наконец, изучил артефакт со всех сторон.

– А кому ты собрался его продавать? – спросил в ответ наводчик. – Я знаю, что эту штуку можно отдать скупщикам подобного дерьма – они хорошие деньги за них предлагают. Но единственный такой скупщик, которого я знаю, сейчас не в Кемендуме. Слушай, а колечко никаких странностей не вытворяло? А то, я почти уверен, что оно непростое.

– За это не переживай, – успокоил его Орисс. – Эта штука – точно артефакт. Вот только силу его я не понял.

– Значит, волшебный барьер оно поставить не может, – заключил Виралл, возвращая кольцо собеседнику. – А то я видел однажды нечто подобное...

– Нет, эта побрякушка так не работает, – помотал головой наёмник. – Когда я зашёл в дом полукровки, кольцо начало вибрировать и светиться, хрен его знает с чего. А когда я подошёл к самому полукровке – это кольцо чуть ли не на куски разлетелось и светилось похлеще факела.

Несмотря на непонятное поведение артефакта, его сила очень заинтересовала Виралла. Он попросил Орисса восстановить события в мельчайших подробностях. Наёмник изо всех сил напрягал память, чтобы ничего не упустить, однако это было сложно, потому что он понятия не имел, что из этого является важным, а что нет. Тем не менее, Орисс рассказал всё, что смог выудить из своей головы. Наводчик задумался на некоторое время, но так и не высказал ни одной идеи. Вираллу не хотелось признавать, что он не знает, как поступать в этой ситуации. Пока он уяснил для себя лишь то, что он должен найти тех, кто убил заказчика-полукровку.

– Слушай, а может кузнецу его отдать? – предложил Орисс. – Конечно, он даже тысячи кларонов¹⁴ нам не предложит, но хотя бы избавимся от кольца.

¹⁴ Кларон – золотая монета Кемендума.

– Не знаю. Поступай, как хочешь – считай это наградой за задание, раз уж ничего другого я тебе предложить не могу, – буркнул в ответ Виралл, но внезапно ухмыльнулся. – Погоди-ка. Ты что, всё-таки поверил в примету? Испугался?

– Конечно, аж два раза, – огрызнулся наёмник. – Примета или не примета, но всё это мне не очень понравилось, знаешь ли.

– Хах, не обижайся, малыш, я не хотел тебя обидеть, – продолжал ухмыляться наводчик. – Ладно, Орисс, хватит с меня на сегодня проблем. Да и с тебя тоже. Надо выяснить, что за подонки угробили нашего полукровка – терпеть не могу заниматься подобными делами. Погуляй пока, я тебе сообщу, если что накопаю.

– А с кольцом-то что делать? – это был единственный вопрос, на который так и не был дан ответ.

– Решай сам, – пожал плечами Виралл. – Говорю ж, награда это твоя. Пойду я. Не завязывай с поисковыми заказами, а то их и так некому выполнять – все наши сразу в штаны делают, стоит мне только заикнуться об этом.

– Пошёл-ка ты, – проворчал в ответ Орисс. – В следующий раз – сто раз подумаю, прежде чем соглашаться.

Погода ничуть не улучшилась, когда Орисс покинул «сорочье гнездо». К усилившемуся холоду добавилась метель, швыряющая острые снежинки прямо в лицо. Орисс накинул капюшон и поднял шарф до носа, чтобы защититься от мороза хотя бы половину лица. Проклятый снег упорно летел точно в область глаз, поэтому приходилось щуриться. Негромко хрустя свежим снежным покровом, наёмник отправился в западную часть города. Ветер, будто почувствовав смену направления, стал дуть на восток. Орисс грубо отозвался в сторону погоды у себя в голове, слегка наклонив тело, подставляя под летящие снежинки макушку, защищённую капюшоном.

Наёмник был не единственным, кто ходил по улице в столь ужасную погоду. Горожане тащили дрова для затопки печей, катили телеги с продуктами. Однако даже надоедливая детвора не носилась по мостовой – видимо, такой холод для них был слишком тяжёлым испытанием. Некоторые мальчишки, всё-таки, были вне дома и помогали взрослым, но по своей воле они бы точно этого не сделали – лишь уважение к своим родителям заставляло их пойти наперекор своим желаниям. Хуже всего приходилось гонцам, которые были вынуждены доставлять письма в любую погоду. Из-за того, что они быстро передвигались, им даже в мороз было жарко, но раздеваться они не собирались, опасаясь подхватить простуду.

Где-то впереди послышалось пение. Подняв голову, Орисс увидел слева от себя огромный храм, около входа которого собралась небольшая кучка людей. Священники тоже были способны читать свои проповеди в любую погоду, будь снаружи хоть метель, хоть гроза, хоть ураган. Сам храм был посвящён великомученице Виргане Непорочной. Орисс всегда подвергал сомнению то, что она действительно была непорочной, потому как, по легенде, у неё был сын. Однажды наёмник мимоходом высказал вслух свои сомнения, не заметив, что рядом проходил один из послушников храма Вирганы. Тот разговор был одним из самых тяжёлых в его жизни.

Однако же сейчас его никто не уговаривал раскаяться во всех своих грехах, поэтому Орисс беспрепятственно прошёл мимо храма. Наёмник не вслушивался в речь проповедника – лишь скользнул беглым взглядом по собравшимся людям. Они стояли без курток, шуб или любой другой тёплой одежды и поэтому все люди без исключения дрожали, словно листы осе- нью. Особенно жалко было детей, которых родители потащили с собой на проповедь – у одного мальчика руки побелели настолько, что невольно пробежала мысль, будто они заледенели.

«Совсем уже головы нет, что ли? – яростно пронеслось в голове Орисса. – Хрен с ним, что себя не жалеете – детей хоть пощадите. Они ж не так легко мороз переносят, как взрослая женщина, которая жила больше тысячи лет назад».

Наёмник не высказал своих мыслей вслух, потому что это всё равно ничего не изменит. Как бы ему не было жалко детей – взрослых фанатиков ничто не убедит в их неправоте. Вновь пробежав злобным взглядом по толпе, Орисс мельком скользнул глазами по самому храму. Большое здание из серого камня с высоко расположенными окнами было увенчано красивыми остроконечными башенками наверху с вычурным обрамлением рам и самой крыши. Волей-неволей, но даже Орисс всегда восхищался подобными сооружениями – смотря на эту красоту, страшно подумать, во сколько денег обошлось строительство этого храма. Эта религиозная постройка была не единственной – в Атфельде было, как минимум, ещё три церкви, однако храм Вирганы Непорочной был самым большим из них.

Орисс внезапно почувствовал какой-то толчок в спину. Резко обернувшись, он столкнулся взглядом с мальчонкой лет десяти, в глазах которого появилось некое подобие страха, едва он увидел значок сороки на плаще. Отец мальчика, идущий рядом, подозвал сына к себе в грубой форме, недобро поглядывая на наёмника. Наблюдая эту недолгую картину, Орисс почувствовал себя плохо. Что-то кольнуло в области сердца, и наёмник стиснул зубы, чтобы сдержать вздох печали. Каждый раз, видя перед собой нечто подобное, старая рана даёт о себе знать. В такие моменты наёмник был готов отдать всё, лишь бы на миг очутиться в теле ребёнка под крышей дома своих родителей. Но эти мгновения быстро прекращались, потому Орисс судорожно слотнул и продолжил свой путь.

В скором времени перед ним предстало небольшое кирпичное здание. Фонарь над дверью и пёстрые решётки красного цвета на окнах давали понять, что людям, уважающим свою честь, здесь делать было нечего. Очень обрадовавшись, что холод остался позади, Орисс открыл дверь и вошёл внутрь.

В нос моментально ударил приятный запах благовоний, но гораздо больше Орисса обрадовало тепло, которым его встретил бордель. Сняв капюшон и шарф с лица, «сорока» прошёл вглубь помещения. Оно представляло собой общий зал, где посетитель обычно либо знакомился со своей сегодняшней дамой, либо ждал, когда освободится та, которую он больше всего любил. Сегодня же диваны в центре комнаты были заняты самими проститутками, которые тут же обернулись в сторону гостя и почти одновременно изобразили лукавые улыбки на лицах. Несмотря на то, что в помещении было тепло, большая часть «девочек» была одета в тёплые плащи, скрывающие их обнажённые тела. Их взгляд будто говорил: «Мне холодно – будь тем, кто меня согреет». От одной только мысли о том, что последует дальше, Орисс чувствовал приятное возбуждение. Он знал, что дело было в специальных благовониях, заставляющих ускорить прелюдию.

Помотав головой в ответ на призывающие взгляды проституток, Орисс обогнул диваны, на которых они сидели, прошёл мимо нескольких столиков, находящихся в полутёмных углах комнаты и ступил на лестницу, ведущую в личные номера. За спиной послышалось недовольное мурлыканье, но наёмник лишь махнул рукой и не стал оборачиваться. Он пришёл не к «девочкам».

Полутёмный коридор второго этажа был слабо освещён свечами, часть которых уже догорала. Пройдя примерно треть коридора, Орисс осознал, что не знает, в какую комнату ему нужно идти. Наёмник хотел уже развернуться, но услышал женские возгласы и громкую, басовую усмешку. Поняв, куда лежит его дорога, Орисс отправился прямо по коридору. Чем дальше он продвигался, тем громче слышались крики. Подойдя к двери, Орисс распахнул её настежь, нарочно не постучавшись.

– Ну какого ж хрена-то? – раздался грубый голос с кровати. – Занято, не видишь, что ли? Проваливай, пока на куски не зарубил.

– Сейчас в штаны прямо наложу от страха, – ухмыльнулся в ответ Орисс.

Комната была небольшой, но уютной. Помимо большой двуспальной кровати здесь был столик с двумя бутылками вина, пара стульев, тумбочка с тарелкой фруктов и шкаф. На кро-

вати вальяжно расположились две девушки: обе лежали полностью обнажёнными, без стеснения демонстрируя свои красивые тела, глаза обеих были направлены в сторону неожиданного гостя. Рядом с кроватью стоял мужчина с кинжалом в руке, готовый в любой момент исполнить свою угрозу.

– А, Орисс, – более спокойным голосом сказал он, убирая кинжал в складку на сапоге, стоявшем около кровати.

– И тебе привет, Райан, – ответил Орисс, подошёл к столу, взял бутылку и пригубил немного вина. – Ваше здоровье, дамы.

– А ты не обнаглел ли, моё вино пить? – ухмыльнулся Райан, вновь плюхаясь на кровать.

– А ты моё? – парировал Орисс, многозначительно посмотрев на собеседника.

– Да это всего пару раз было.

После этих слов Орисс отпил ещё немного вина, чувствуя, как оно согревает его внутренности. Тем временем, одна из проституток встала с кровати и начала медленно приближаться к нему. Орисс ухмыльнулся и приглашающе указал взглядом на своё колено. Девушка облизнула губы и вспорхнула на колено наёмника, поправляя руками свои длинные, белокурые волосы. Орисс даже узнал её, но имени так и не припомнил. Проститутка томно дышала, приближаясь губами к шее наёмника, одновременно с этим расстёгивая пуговицы на его куртке.

– Слушай, если ты трахать её собрался, то тут это бесплатно не делается, – хохотнул Райан, повалив вторую проститутку на спину и взобравшись на неё сверху.

– Ну, не совсем так, – ответил Орисс, поглаживая светленькую проститутку по спине. – Я к тебе направлялся.

– Э-э, нет, друг мой, меня мужчины не интересуют, – вновь усмехнулся Райан, покрывая поцелуями грудь девушки, которая тут же вновь начала стонать.

Орисс тоже улыбнулся, но решил, что настало время переходить на серьёзный тон.

– Райан, надо поговорить, – произнёс он, с сожалением приложив палец к губам светленькой девушки и помотав головой.

– Умеешь ты в душу нагадить, – сказал в ответ Райан, слезая с проститутки. – Девчонки, оставьте нас пока.

Обе дамы деланно надули губки и покинули комнату.

– Ну и что у тебя случилось? – поинтересовался Райан, подходя к приятелю, в чём мать родила.

– Штаны хоть надень, – попросил Орисс. – Как-то неудобно себя чувствую наедине с голым мужиком.

– Неженка. Так и скажи, что хозяйству завидуешь, – усмехнулся Райан.

Однако он, всё же, надел бриджи, после чего подошёл к столу, взял вторую бутылку, и наёмники, чокнувшись, выпили немного вина. Райан почти не изменился с того момента, как они виделись в последний раз. Он был высокого роста – чуть выше Орисса. Телосложением Райан не сильно отличался от своего приятеля – разве что, в плечах был немного шире, из-за того, что предпочитал работать топором. В контраст Ориссу, Райан был брюнетом, а лицо его покрывала грубая щетина. На груди виднелся небольшой рубленый шрам. Орисс вспомнил, как приятель рассказывал о том, как получил его – это была далеко не самая приятная история. С другой стороны, некоторым женщинам нравится, когда мужчина отмечен в бою. Райан смачно рыгнул и повторил свой вопрос.

– Видел когда-нибудь что-то подобное? – спросил Орисс, протягивая приятелю кольцо.

Райан взял его в руки и немного покрутил, осматривая со всех сторон. Трудно было поверить, что ещё пару минут назад он был готов хорошенько развлечься с двумя проститутками. Орисс тоже скользнул взглядом по кольцу, и перед его глазами тут же вновь пронеслась та ночь, когда он проник в дом мёртвого полукровка. Помотав головой, наёмник глотнул вина.

– Мне кажется, или оно зелёным чуть-чуть светится? – проговорил Райан, закончив осмотр.

– Да, оно светится, но это ещё слабо, – протянул в ответ Орисс. – Оно тут недавно так светилось, что факел могло бы заменить. А ещё и вибрировало, как сумасшедшее.

– Интересно, – задумчиво сказал Райан, кинув кольцо владельцу. – Повезло тебе – артефакты можно хорошо продать нужным людям. Кстати, откуда оно у тебя?

– Долгая история.

Орисс рассказал приятелю о том, как ему досталось это злополучное кольцо. Чем дальше заходила история, тем больше Райан хмурился, и тем более внушительные порции вина поступали ему в горло. За дверью послышалось недовольное бурчание. Видимо, дамам надоело ждать, пока наёмники закончат свой разговор. Однако Орисса это ничуть не смутило – он продолжал рассказывать то, что с ним происходило шесть дней назад, не упуская ни одной детали.

– Мда-а-а, – протянул Райан точь-в-точь как наводчик. – Всё, что я могу сказать – ты в дерьме.

– Это с чего бы? – встрепенулся Орисс. – А, примета.

– Ага, – кивнул Райан. – Везение рано или поздно заканчивается, друг мой. Вечно убегать от плохой приметы ты не сможешь.

– Ну, вообще-то, я задание так и не выполнил, – уточнил Орисс, делая большой глоток вина, чтобы унять разбушевавшееся волнение. – Работа считается завершённой лишь после того, как наёмник получает деньги от заказчика. Деньги я так и не получил, да и контракт выполнить не успел.

– Это да, но ты получил награду не в виде денег, – напомнил ему Райан. – Ладно, оставим эту тему. Это всё очень занимательно, но ко мне-то ты на кой ляд припёрся?

– Ты вроде говорил, что знаешь кузнеца, который не только обычные побрякушки покупает.

Райан молча кивнул и уже догадывался, к чему клонит его собеседник. Дальнейшие объяснения были не нужны, но Райан без слов дал понять, что прямо сейчас он никуда идти не собирается, указав взглядом на дверь. Орисс понимающе кивнул, однако покидать комнату не торопился. Заметив это, Райан сказал:

– Ты если остаться хочешь, то гони монету. Я, как бы, за них обеих платил и просто так делиться не хочу. Сразу говорю, цена за твою – двадцать кларонов.

– Сколько? – повысив голос, переспросил Орисс. Однако столкнувшись с невозмутимым взглядом Райана, поджал губы, подумал немного и, всё же, протянул ему деньги. Усмехнувшись, Райан чокнулся с приятелем бутылками, допил остатки и отправился к двери.

После приглашения войти, девушки впорхнули внутрь. Одна из них тут же бросилась в объятия Райана, а светленькая озадаченно посмотрела на Орисса. Тот некоторое время сидел и потягивал вино, после чего игриво ухмыльнулся и быстро стянул с себя куртку. Когда он остался в одной рубахе, проститутка прильнула к нему и их губы встретились в поцелуе.

– По-моему, он нас, всё-таки, ободрал, – хмуро проговорил Орисс.

– Ты же хотел только от кольца избавиться, а этот мужик – единственный в городе, кто может предложить тебе цену, отдалённо похожую на правду, – пожал плечами Райан.

Они сидели в таверне «Питьевой родник» и ждали, пока им принесут их заказ. Райан привёл Орисса к знакомому кузнецу, который согласился купить кольцо за две сотни кларонов. Орисс был не силен в торговле, но он всегда чувствовал, когда его пытались надуть. Это самое чувство не покидало его до сих пор, однако желание избавиться от кольца было в разы сильнее жажды наживы. В кои-то веки Орисс решил приглушить свою любовь к деньгам в пользу защиты от плохой приметы.

Народу в таверне было много. Большую часть столов заняли работяги, желающие отдохнуть после трудового дня. Все они болтали о всякой всячине, лишь бы она не касалась работы. Возле камина у одной из стен сидели несколько стариков, коротая вечер за игрой в кости. В дальнем конце таверны находилась своеобразная сцена, на которой выступали барды, исполняя песни, собранные с разных концов Кемендума. Окружающая обстановка расслабляла, и Орисс постепенно перестал переживать по поводу обмана кузнеца.

В скором времени работница таверны принесла две кружки пива. Наёмники одновременно взяли их и подняли.

– За шлюх? – усмехнулся Орисс, предлагая тост.

– За проституток, друг мой, за проституток, – с улыбкой ответил Райан, соприкасаясь с приятелем кружками. – За шлюх пить нельзя – не достойны они этого.

– Поверю тебе на слово.

– Да уж, поверь.

Перед тем, как выпить, Райан на мгновение задержал руку с кружкой около своего лица, после чего Ориссу показалось, что его собеседник едва заметно сглотнул. Однако это длилось не больше секунды – стоило Райану сделать несколько глотков, как он снова стал улыбаться.

Очередная песня закончилась, и публика отблагодарила барда редкими аплодисментами. Судя по звуку, на сцену поднимался другой артист. Орисс сидел спиной к сцене, поэтому не видел нового барда. Его это и не интересовало, но внезапный гул хлопков заставил Орисса обернуться и посмотреть, кого публика так радостно встречает. К сожалению, наёмники находились в другом конце таверны, поэтому толком разглядеть любимчика толпы не удалось. Однако стоило зазвучать новой песне, как Орисс сразу понял, кто выступал. Красивый голос Эрил Сладкоголосой нельзя было перепутать ни с чем.

– Ого, – присвистнул Райан, тоже уткнувшись глазами в сцену. – Это что за пташка к нам прилетела?

– Эрил Сладкоголосая, – ответил Орисс, бросив попытки рассмотреть филиду.

– Давно ли ты всех бардов по именам знаешь? – вскинул брови Райан, тоже перестав высматривать девушку.

– Она в «Кружке» выступала – там случайно и встретились, – ответил Орисс, отпивая ещё пива.

– Даже так, – протянул Райан. – Ну, голосок у неё действительно красивый.

Орисс немного удивился такой похвале от его приятеля – он вообще редко кого-нибудь хвалил, а женщин так вообще никогда. Но тут, видимо, был особенный случай. Эрил так хорошо пела, что смогла пробить на похвалу даже Райана. Она не слишком старалась, но именно это придавало её пению особенный облик. Орисс даже не хотел поворачиваться – ему вполне хватало звука её голоса.

– Мне кажется, или она сюда идёт? – произнёс Райан, когда девушка закончила петь.

Орисс обернулся и увидел, что Эрил действительно сошла со сцены и двигалась по направлению к их столу. Наёмник удивлённо нахмурился, наблюдая, как девушка обходит восхищённых слушателей, пробиваясь всё ближе к «сорокам». Подойдя, почти вплотную Эрил подмигнула Ориссу и спросила слегка сбивающимся голосом:

– Привет. Можно присяду?

Орисс переглянулся с Райаном – тот пожал плечами, словно говоря, что ему всё равно. Орисс приглашающе указал на третий стул за их столом. Эрил поблагодарила его и плавно приземлилась на стул, сразу перекинув ногу на ногу. Только сейчас Орисс осознал, что облик филиды несколько изменился с тех пор, как он видел её в последний раз. Платье и башмачки сменились на одежду походного типа: плотные штаны, облегающие её прямые ноги, лёгкая куртка, из-под которой виднелась нательная рубашка, и кожаные сапожки.

– Куда-то собралась? – поинтересовался Орисс, указав взглядом на её одежду.

– Да, – кивнула Эрил. – Надо и в других городах побывать – не всё ж ваших горожан радовать.

– Сама скромность, – буркнул Райан, недоверчиво осматривая филиду.

– Это Райан, мой собрат по работе, – объяснил Орисс, наткнувшись на удивлённый взгляд Эрил. – Ему тоже пришлось по душе твоё пение.

– Очень рада, что тебе понравилось, – улыбнулась девушка, смотря на второго наёмника, однако встретилась с недовольным взглядом.

– Не обольщайся, это пока единственное хорошее, что в тебе есть, – грубым голосом ответил Райан, выпив чуть больше половины кружки пива.

Эрил не ожидала такого резкого отношения к своей персоне, поэтому слегка опешила. Но Орисс поспешил успокоить её, пояснив, что его приятель всегда такой недовольный. Эрил понимающе кивнула и поспешила вернуться на сцену, потому как зрители требовали продолжения. Орисс проводил её взглядом, не упустив момента насладиться хорошим видом её бёдер, обтянутых штанами.

– Согласен, задница у неё неплохая, – проговорил Райан, допивая своё пиво.

– Это да, – кивнул Орисс, тоже принявшись за выпивку, когда Эрил скрылась в толпе.

– Не доверяй ей.

Такого заявления стоило ожидать от Райана, но Орисса немного удивило то, насколько серьёзным тоном он это произнёс. За спиной вновь раздалось приятное пение девушки, сопровождаемое полной тишиной – никто даже шептаться не смел, чтобы не перебивать выступающую филиду.

– Райан, я ж не собираюсь с ней семью заводить, в самом деле, – сказал Орисс, расправившись со своим пивом. – Ты так постоянно говоришь про всех женщин – это уже не смешно.

– Ты попадаешься на её кокетство, – тем же голосом проговорил Райан, тоже допивая своё пиво. – Не доверяй ей, если не хочешь превратиться в такого же, как я.

– Слушай, перестань уже, – деланным умоляющим тоном попросил Орисс. – Не все такие, как твоя бывшая жена.

– Назови мне хотя бы одну не такую, – громким шёпотом сквозь зубы процедил Райан. – Назови хотя бы одно имя, и я заберу свои слова назад. А потом вновь их повторю, когда эта «не шлюха» будет валяться в постели с другим.

Орисс не успел ему ответить, потому что некоторые люди уже начали шикать в их сторону. Райан грубо ответил тем, кто их прервал, и больше никто к ним не лез.

– Я тебя предупредил, Орисс, – повторил он, поднимаясь со стула. – Думай своей головой, а не тем, что у тебя между ног. Понимаю, не хочется, но я надеюсь на твоё благоразумие.

С этими словами Райан вышел из таверны. Орисс понимал, как его приятелю тяжело приходится после того, что с ним произошло шесть-семь лет назад. Однако помочь ему ничем не мог – разве что он был способен время от времени делить с Райаном бутылку вина. Но выпить вместе в спокойной обстановке им удастся ещё нескоро. Они решили отправиться в столицу Кемендума – Райан должен был выполнить для Виралла какое-то поручение, и Орисс захотел составить ему компанию. В какой-то момент наёмник подумал о том, что ему повезло, что Эрил тоже уезжает – может быть, у них получится где-нибудь встретиться.

Снова в путь

Он стоял во главе огромного войска повстанцев, которые готовы были пойти в бой. Агрон всегда боялся идти в авангарде, но он был обязан атаковать в числе первых. Люди чувствовали себя увереннее, если их предводитель лично ведёт их в гущу битвы. Пусть Агрон и не был лидером, но он являлся одним из доверенных людей Катрапса, а, значит, и идти во главе войска он был просто обязан. Но как же он ненавидел эти жуткие минуты перед началом боя, которые стремительно уменьшались, приближая возможную смерть. Агрон стиснул зубы. Лидер восстания обнажил два меча, висевших у него на поясе. Агрон всегда поражался способности Катрапса уверенно чувствовать себя с оружием в любой руке. Лайдер последовал примеру вождя и достал свой боевой топор.

Слева от Агрона послышался едва различимый звон стали, соприкасающейся с внутренней частью ножен. Дурон тоже принял боевую стойку со своим мечом в руке. Присутствие брата давало Агрону ещё большую уверенность. До битвы остались считанные мгновения. Возможно, они проживают свои последние минуты.

Где-то впереди затрубил рог, на возвышении появились первые ряды стедмарцев. У Агрона по спине побежали мурашки. Сколько же всего врагов скрывается за первыми рядами? Нет, лучше об этом не думать. Главное, что рядом с ним находились люди, готовые умереть за их цель – за свободу.

У повстанцев не было ни боевых рогов, ни других предметов, способных поднять боевой дух солдат. Однако им это и не было нужно. Когда люди, стоявшие позади, начали взволнованно роптать, Катрапс издал воинственный клич и помчался навстречу врагу. Агрон, Дурон и ещё пара-тройка командиров не замедлила поддержать его, а за ними и всё войско повстанцев помчалось навстречу своей судьбе. С каждым шагом уверенность Агрона возрастала, а страх уступал место сладостному чувству жажды битвы. Когда между противниками оставались считанные десятки метров, Агрон целиком отдал себя последнему сражению.

Со стороны врагов полетели стрелы. Все они приземлялись где-то за спиной Агрона. Он не видел, попадают они в его соратников или нет. Агрон увернулся от выпада копейщика и со всего маха раскроил ему череп, пробив лёгкий шлем насквозь. После этого перед глазами лайдера всё смешалось. Начиная с этого момента, враги окружали его со всех сторон. Куда бы он ни замахнулся, его топор всегда находил себе цель. Вокруг царила горячая бойня, но Агрон, будто не слышал её. Всё его внимание было сосредоточено на нападающих отовсюду врагах. Где-то рядом орудовал своим мечом Дурон, оставляя на оружии всё новые и новые кровавые пятна. Неподальёку размахивал парными клинками Катрапс, стараясь зацепить как можно больше врагов. Вот она, сладостная битва. Вот чего ему хотелось больше всего в жизни. Ничто не приносило столько радостных чувств, сколько ему приносит славная битва.

Внезапно его соратники начали время от времени что-то выкрикивать. Агрон хотел было присоединиться, пока не понял, что из уст солдат вырывается его собственное имя. Но почему? Он ведь не был главным, не был тем, кто поднимал это самое восстание. Чем же он заслужил такую честь? Он по-прежнему ничего не понимал. Неожиданно земля начала уходить у него из-под ног. Агрон стал куда-то проваливаться, пока резко не вскочил с кровати, тяжело дыша.

– Ты чего? – спросил Дурон, стоявший неподалёку от кровати.

Вид у него был слегка удивлённый. Видимо, Агрон что-то говорил во сне. Вытерев пот со лба, он сел на своей кровати и опустил лицо в ладони. Агрон никак не мог отдышаться. Сдавленно сглотнув, лайдер потянулся к столику около кровати, схватил бутылку с кисловатым элем и сделал пару глотков. Сердце начало понемногу успокаиваться, а одышка вскоре прекратилась.

– Кошмар, что ли? – вновь спросил Дурон, садясь на соседнюю кровать и отпив эля из другой бутылки.

– Да нет, не совсем, – помотал головой Агрон, вновь делая глоток. – Слушай, а ты... тебя самого кошмары не мучают?

– Что ты имеешь в виду? – не понял вопроса брата Дурон.

– Ну, снятся тебе наши былые битвы? Да и вообще война?

Дурон задумался на какое-то время, откинувшись на кровать. Агрон допил эль и поставил бутылку на столик, создав ещё один кружок без пыли. Поджав губы, лайдер провёл двумя пальцами по столику, мигом собрав на кончиках кучу тёмной грязи. От пальцев остались два чистых следа, сильно выделяющихся на фоне общей запылённости столика. Протерев пальцы о такой же грязный матрац, Агрон встал с кровати и надел свой жилет из варёной кожи, после чего натянул плотные шерстяные штаны.

– Так что? – обратился он к брату.

– Не-а, не припомню, чтобы мне вообще что-то такое снилось, – пожал плечами Дурон. – А тебя это беспокоит? Я бы радовался, что мне такие сны снятся. Только представь: снова очутиться в каком-нибудь бою против проклятых стедмарцев – не здорово ли?

– Не сказал бы, – усмехнулся Агрон. – Ладно, забудь. Пойдём, поедим, что ли.

Дурон удивлённо посмотрел на брата. Его удивил ответ Агрона по поводу снов. Тот, видимо, не заметил этого взгляда и пошёл по направлению к лестнице на первый этаж. Чуть повременив, Дурон отправился следом.

Спустившись вниз, близнецы встретились более чем с десятком пар глаз, излучающим презрение. За четыре дня проживания лайдеры успели привыкнуть к такому отношению. Казалось, все посетители трактира считали своим долгом попытаться просверлить дырку в братьях своими взглядами. Агрон не удостоил никого из местных жителей вниманием, в отличие от своего спутника. От Дурона, казалось, исходило ещё больше злости, чем от всех посетителей вместе взятых.

Присев за небольшой столик, Агрон глубоко вздохнул и посмотрел на работника трактира. Тот без слов понял своего не самого любимого постояльца и, не торопясь, удалился. Дурон, тем временем, бухнулся на стул напротив брата. Удивительно, что мебель не сломалась под его телом. С другой стороны, вид стульев, как и столов, был в разы лучше, чем у комнаты – будто их только что сделали из свежих брёвен с лесопилки. Сам первый этаж трактира выглядел неплохо. Чистый деревянный пол, ни единого намёка на паутину в углах комнаты, перила лестницы идеально обработаны. Агрону не в первый раз пришла в голову мысль, что хозяин трактира мог нарочно поселить ненавистных лайдеров в самую худшую комнату. Когда он пару дней назад озвучил эту мысль Дурону, тот выразил согласие, при этом едва не переломив деревянную ложку, которую он держал в руке.

В скором времени, им принесли еду. Это была единственная приятная сторона трактира – готовили тут очень хорошо, особенно если вспомнить, что последние несколько месяцев повстанцы питались, чем попадётся. Агрон поначалу опасался, что хозяин скажет поварам подсыпать что-нибудь в миску с супом – в лучшем случае, побольше соли. Однако же, еда всегда была на удивление вкусной.

Вспомнив о том, как лайдеры жили после последнего поражения, Агрон немного поёжился. Нехватка еды, смерть соратников, постоянный страх того, что их нагонит один из стедмарских отрядов – всё это пронеслось в его голове за одно мгновение. Моментально вернулось волнение и боязнь. Вместе с тем появилось и облегчение, что всё это осталось позади. У него остался лишь один соратник, который сейчас уплетал за обе щеки жареное конское мясо, и единственной целью на данный момент являлось сохранность последнего дорогого человека на всей земле.

– По-моему, конина подгорела, – проговорил Дурон, проглотив очередной кусок завтрака.

– М-м? – вопросительно промычал в ответ Агрон.

– Подгорела конина, говорю, – повторил Дурон, удивлённо посмотрев на собеседника. – Всё в порядке?

– Да, всё хорошо, – отмахнулся Агрон.

– А по тебе не скажешь.

Дурон налил воды из кувшина себе в кружку и мигом осушил, не спуская глаз с брата. Ему явно не нравилось задумчивое поведение Агрона. Тот, в свою очередь, не придавал значения взгляду собеседника и продолжил молча поедать завтрак. Мрачные мысли одолевали его на протяжении всех четырёх дней, что они жили в трактире. Вновь вспомнилось недавнее убийство беглых наёмников. Агрон тогда взял на себя лишь одного, но и этого ему с лихвой хватило для того, чтобы перед глазами пронеслись почти все стедмарцы, которые погибли от его руки. Это не пришлось лайдеру по душе – возникало ощущение, что война не желала его отпускать. Агрон в который раз с завистью смотрел на брата, который ни капли не страдал от жутких воспоминаний.

– Так что, сегодня отправляемся в столицу? – подал голос Дурон, вырвав собеседника из мрачных мыслей.

– Угу, – кивнул Агрон, осушив свою кружку с водой.

– Или сегодня ещё здесь заночуем? – Дурон изо всех сил не позволял разговору затухнуть – ему не давало покоя похоронное настроение брата.

– Нет, не стоит, – ответил Агрон. – Мы же уже обсуждали это – последние деньги в этом трактире оставим, если проведём здесь ещё один день. Да и эмблемы сорок отдать надо. Сегодня точно выезжаем.

– Ладно, понял, – пожал плечами Дурон. – Я тогда за плащами схожу. Тебе ведь ещё нужно меч забрать у кузнеца.

– Ага.

– Точно всё нормально? Ты какой-то сам не свой последнее время ходишь.

– Не переживай – беспокоиться не о чем.

Однако Дурон беспокоился. Сейчас только он и волновался за своего брата. Никто из близнецов больше ничего не сказал, поэтому они молча выпили очередную кружку воды, поднялись из-за стола и разошлись каждый со своим делом.

Едва Агрон открыл дверь трактира, его тут же до самых костей пронизал холод. Недолго думая, лайдер вернулся в помещение и поднялся в свою комнату. В ответ на удивлённый взгляд Дурона Агрон объяснил, что снаружи сильно похолодало. Поверх своего кожаного жилета Агрон надел куртку, подбитую мехом. Сейчас он был очень рад, что Дурон уговорил его потратиться на тёплую одежду, пусть это и сильно ударило по их и без того скудным денежным запасам.

Агрон спустился с крыльца таверны и ступил на налетевший за ночь снежный покров, в который его сапоги проваливались чуть выше стопы. Резкое похолодание напрочь отбило желание выдвигаться в путь именно сегодня, однако не было никакой уверенности, что в последующие дни погода станет теплее.

Хрустя свежим настом, Агрон всё больше углублялся в Хонен. Все жители деревни кутались в плащи или лёгкие шубы, неустанно сражаясь с внезапным морозом. Из-за холода у них не оставалось сил на то, чтобы сверлить ненавидящим взглядом чужака-лайдера, что очень радовало Агрона. Все те дни, что они с братом здесь жили, стедмарцы не упускали возможности показать, как сильно они не любят народ, который недавно поднял одно из самых крупных восстаний за всю историю Стедмара. Отчасти Агрон гордился тем, что смог вложить часть своих сил в эту ненависть, которая граничила со страхом, что такое восстание может повто-

риться. Но эта гордость почти полностью испарялась, когда перед его глазами пролетали воспоминания о кровавых боях и страхе перед смертью.

Кузнец жил на другом конце Хонена, поэтому путь предстоял неблизкий. За время, пока Агрон дошёл до кузницы, он успел пожалеть, что у них не хватило денег на две пары перчаток – кисти рук сильно замёрзли, и даже когда лайдер убрал их в карманы, они не желали согреваться. Поднеся ладони ко рту, Агрон обдал их своим горячим дыханием, выпустив облако редкого пара. Пользы от этого было немного, но рукам стало хоть чуть-чуть теплее.

Добравшись до кузницы, Агрон, наконец, почувствовал заветный жар, исходящий из неё. Область земли около входа была полностью свободной от снега, который лежал в нескольких ярдах от здания. Из трубы самой кузницы валил густой дым, разгоняя холод. На подходе к входу Агрона окатило приятным теплом. Звук работы кузнеца, который слышался задолго до приближения, стал сильно бить по ушам, а особенно громкие удары заставляли глаза моргать против воли. Зайдя внутрь, Агрон, наконец, вовсе перестал чувствовать мороз, властвовавший снаружи. Увидев постороннего, кузнец без слов дал понять, что придётся подождать, и вновь занёс руку с молотом над куском железа для очередного удара. Агрон не собирался спорить, поэтому присел на скамью, вытащил руки из карманов и наслаждался теплом, которым была наполнена кузница.

Отогревшись, лайдер выжидающе посмотрел на кузнеца, но тот по-прежнему был полностью погружен в работу. Скорее всего, это был какой-то срочный заказ. Лайдер от нечего делать окинул взглядом кузницу. С его прошлого прихода практически ничего не изменилось – разве что стальных листов, которыми кузнец обивал щиты, стало больше. На парной подставке для оружия красовались топоры. Агрон заметил их ещё в тот день, когда пришёл отдавать приобретённый меч на подгонку. Топоры на вид были совершенно обычными, но сделаны добротно. Агрон очень жалел, что не может приобрести себе такой. Оружие сразу навеяло воспоминания о той битве, где он потерял свой топор, с которым прошёл большую часть войны. Тот боевой топор был в гораздо худшем состоянии, чем те, что лайдер видел сейчас перед собой, но он всегда удобно ложился в руку, и Агрон чувствовал себя единым со своим оружием.

– Ты ведь за гладиусом? – раздался зычный голос кузнеца, сопровождающийся громким шипением от остужающейся стали.

– Ага, – ответил лайдер, подождав, пока шипение стихнет. – Он готов?

– Да, готов, – сказал кузнец, вытирая пот со лба своей огромной ладонью. – Сейчас принесу.

Он скрылся за проёмом, ведущим в соседнее помещение, и через несколько минут вернулся, держа в руке короткий меч в ножнах.

– Лови, – с этими словами кузнец кинул гладиус посетителю.

Агрон поймал его на лету, с шелестом вытащил его из ножен и бегло осмотрел. Мелкие царапины полностью исчезли, а слегка погнутое лезвие стояло ровно. Лайдер поднёс палец к острию меча и слегка нажал. Кожа моментально почувствовала остроту. Агрон посмотрел на свой палец, которым коснулся гладиуса – на подушечке появилась маленькая капля крови.

– Хорошая работа, – похвалил кузнеца лайдер, засунув меч в ножны и повесив его на пояс.

– Ещё бы, – довольно хмыкнул тот, сложив руки на груди. – За такую подгонку и заплатить было бы недурно.

– Понятное дело, – поджав губы, произнёс Агрон. Уж очень ему не хотелось расставаться с тем малым остатком денег, что был в его карманах. – Сколько хочешь?

– Хочу тысяч десять, чтоб о затратах на еду для детишек забыть можно было, – усмехнулся кузнец. – А так, с тебя тридцать акриппов¹⁵. Работы не слишком много, но я тебе ещё рукоять подогнал, а то она расшаталась совсем.

Едва заметно вздохнув, Агрон достал из кармана мешочек с деньгами и, отсчитав нужную сумму, протянул кузнецу. Тот взял серебро, сунул в свой карман и вернулся к работе. Лайдер не хотел покидать пышущую жаром кузницу, но больше ему здесь было незачем задерживаться, поэтому он с большим сожалением вышел из помещения. Холод тут же ударил по нему с новой силой. Казалось, мороз только усилился, пока лайдер ждал свой меч. Радовало то, что с неба не падал снег – если бы сильно припорошённая земля превратилась в настоящие сугробы, Агрон был готов ещё раз серьёзно обдумать их с братом решение о сегодняшней отправке в столицу. Постепенно удаляющийся звук удара молота заставлял Агрона с завистью думать о том, что кузнец и знать не знает о том, какая холодная погода царствовала сейчас.

Приближаясь к трактиру, Агрон услышал глухой, короткий стук. Спустя несколько секунд, за ним последовал ещё один. Звук раздавался из-за трактира. Зайдя во внутренний двор, Агрон увидел там брата, стоящего в одной рубахе и штанах с луком и стрелой в руках. Недалеко от него стоял столб, из которого торчали две стрелы. Дурон натянул тетиву и отпустил, после чего на столбе стало красоваться ещё одно оперение. Волосы лайдера были мокрыми от пота, который стекал по его лицу и блестел на части груди, виднеющейся из-под рубахи.

– Не боишься простыть? – поинтересовался Агрон, подходя к брату.

– Да мне не холодно, – пожал плечами Дурон.

– Размяться, значит, решил, – проговорил Агрон, посмотрев на многочисленные следы сапог, которые виднелись в стороне от места, где стояли близнецы.

– Ага, – кивнул Дурон, доставая очередную стрелу. – Тебя только за смертью посылать. Чуть с ума не сошёл от скуки.

После этих слов Дурон быстро натянул тетиву и выстрелил. Однако эта попытка была не такая удачная, как предыдущие – стрела пролетела мимо, лишь слегка царапнув край столба. Разочарованно вздохнув, Дурон пошёл собирать стрелы.

– Совсем их затупишь, а нам ещё до Ильдароса добираться, – сказал Агрон, указав взглядом на стрелы.

– Да ладно, всё равно за них много денег не выручим, – успокоил его Дурон. – Ты сам-то как, готов выезжать?

– Конечно готов, – кивнул Агрон. – Давай собираться, рассчитаемся с трактирщиком и по коням.

– Да я уж расплатился и лошадей наших оседлал. Можем прямо сейчас выдвигаться.

– Неужели меня и вправду так долго не было?

Близнецы уже подошли к своим лошадям, которые стояли неподалёку. Дурон достал из походной сумки два сложенных плаща и протянул один брату. Агрон поблагодарил его и надел плащ, сразу же накинув на голову капюшон. Дурон сначала закутался в куртку (видимо, уже успел остыть после своей тренировки) и лишь потом последовал примеру брата, надев на плечи плащ.

Оседлав своих коней, братья направились к окраине деревни. Им в спину были направлены недобрые взгляды – Агрон нутром чувствовал, что каждый житель Хонена был очень рад, что парочка лайдеров, наконец, покидает их деревеньку. Были люди, которых не слишком волновало происхождение двух гостей – в основном, это были торговцы, у которых они закупались. Этих людей интересовали, прежде всего, звонкие монеты, которыми близнецы расплачивались за свои покупки.

¹⁵ Акрипп – серебряная монета Стедмара. Названа в честь пятого императора Акриппа Лонгуса Новелиуса.

Приятный уху хруст снега, раздающийся из-под копыт лошадей, быстро растворялся в морозном воздухе. Агрон очень радовался тому, что холодный ветер дул им в спину – плотные плащи, купленные Дуроном, отлично себя показывали. Однако руки сильно мёрзли, поэтому Агрон часто дышал на свои кисти, чтобы хоть как-то их согреть. Порой лайдер не любил огромные степи, которыми были полны Стедмар и Крартел, из-за того, что ветра на них разгуливались не на шутку. Зима вновь напомнила о том, что до весны ещё надо дожить, а пока погодой правит именно она. Белоснежные просторы лишний раз подтверждали это.

– Слушай, а разреши вопрос? – вмешался Дурон в равномерный топот копыт, приглушённый хрустом снега.

– Валяй, – бросил в ответ Агрон.

– Если бы Катрапс остался жив и решил бы продолжить наше дело... ты бы пошёл с ним?

Вопрос брата немного удивил Агрона. Он недоумённо посмотрел на собеседника, перестав следить за дорогой. Из-за этого лошадь уже собиралась миновать изгиб натопанной дороги и ворваться в большой сугроб, но Агрон вовремя это увидел и потянул поводья вправо, возвращая своего скакуна на утрамбованный снег. Дурон, тем временем, полез рукой в сумку и достал оттуда два яблока, после чего кинул одно из них брату.

– Так что? – поторопил Дурон своего спутника с ответом, надкусив фрукт.

– Даже не знаю, что тебе сказать, – протянул Агрон, тоже вгрызаясь в яблоко. – Возможно, и пошёл бы, но правда в том, что Катрапс мёртв, и с этим уже ничего не сделаешь. Вкусные яблочки, кстати.

– Согласен, – кивнул в ответ Дурон, делая ещё один надкус. – Торговец говорил, что хранил их в специальном сундуке почти всю осень и зиму – дескать, этот сундук волшебный. Наврал, поди, с три короба, но яблоки и вправду вкусные.

Агрон удивлённо хмыкнул и откусил ещё. Не слишком плотная мякоть выделяла прохладный сок, приятно охлаждающий внутренности. Однако Агрон предпочёл бы, чтобы фрукт не был таким холодным – от этой прохлады сводило зубы, а горло и вовсе умоляло о кружке тёплой медовухи. Скорее бы зима уже потеряла свою власть.

– Я так и не понял, ты бы встал с Катрапсом плечом к плечу снова или нет? – в отличие от брата Дурон не считал этот разговор законченным.

– Катрапс мёртв, Дурон, – проговорил Агрон. – Что толку в этих твоих вопросах? Нужно принять правду, какой бы жестокой она ни была.

– Мне кажется, или ты боишься сказать «нет»?

Агрон опешил от такой прямоты. Он всегда знал, что Дурон терпеть не мог ходить вокруг да около, когда люди не отвечали на его вопросы точными словами. Однако ранее Агрон никогда не являлся жертвой таких прямых выпадов брата. Кроме того, Агрону очень не понравилось, что Дурон почти напрямую обвинил его в трусости.

– Если бы я хотел сказать «нет», то я бы так и сказал, – сердитым голосом сказал Агрон. – Чего мне бояться, если мой ответ всё равно ни на что не повлияет?

– Вот и я думаю, с чего бы тебе бояться? – задумчиво произнёс Дурон. – Но знаешь, ты ведь и «да» не ответил.

Тут Агрону нечего было возразить. Он мог с уверенностью заявить, что не побоялся бы вновь броситься в бой за свободу своего народа, но отчего-то не хотел этого говорить. Сам того не желая, Дурон заставил брата серьёзно задуматься о недавней войне. Снова и снова перед глазами Агрона пролетали стрелы и копья, образы его погибших товарищей, людей, которых у повстанцев не получилось спасти, кровь, смерть, страх... Лайдер помотал головой и ударил себя по щеке. Мысли тут же встряхнулись и пришли в норму, а война почти полностью выветрилась из его воспоминаний. Нервно сглотнув, Агрон медленно выдохнул и выкинул огрызок.

– Ты чего это себя лупишь? – удивился Дурон, косо смотря на брата.

– Да так, – отмахнулся Агрон, которому внезапно стало очень жарко. – Голова чуть-чуть побаливает.

– Не думал, что это верный способ помочь делу, – усмехнулся Дурон, тоже выкинув остатки своего яблока. – Ты из-за моего вопроса, что ли? Не переживай ты так, я ж не на полном серьёзе это спрашиваю. Так, просто интересно стало твоё мнение.

Улыбнувшись, Дурон протянул кулак в сторону брата. Прогнав, наконец, надоедливую жару, Агрон посмотрел на своего спутника, улыбнулся в ответ и ударил по протянутому кулаку своим.

Великое книгохранилище

– Это он? – раздался голос Аннетии из-за спины Эрленда.

– Ага, – кивнул алхимик. – Как же давно я здесь не был.

– Ты это раз десять уже говорил за семь дней пути, – улыбнулась девушка.

Они подъезжали к самому южному городу Кемендума – Белтоуну. Вдалеке хорошо виднелись его каменные стены и сторожевые башни. Город был небольшим, но очень древним – он был основан одним из первых после столицы. С юга и юго-запада Белтоун окружали горы, одновременно отделявшие его от орочьих степей. К северу от города располагалась большая равнина, по которой и ехали Эрленд с Аннетией. Ласка стойко перенесла это небольшое путешествие, но ей нужен был отдых. Ободрительно потрепав лошадь за холку, алхимик слегка ускорил её.

– Это что, то самое Книгохранилище? – спросила Аннетия, указав на одиноко торчавшую башню в центре города.

– Ага, – ответил Эрленд.

– Сколько же мы там пробудем, – прошептала девушка, едва слышно сглотнув. – Один только осмотр не один день займёт.

– Не бойся, – успокоил её целитель. – Всю библиотеку нам осматривать не придётся. Я знаю тамошнего хранителя – не уверен, что он прочёл все книги, но с большей частью точно ознакомлен.

– Надеюсь, кентавров он не обошёл стороной, – с надеждой проговорила Аннетия.

Эрленд тоже на это надеялся. Удручало его лишь то, что про полуконей, скорее всего, было очень мало сведений. Сколько бы алхимик не изучал книги, посвящённые растениям, про кентавров там не было ни единого упоминания. Обычно в подобных рукописях говорилось, какое дикое существо питается тем или иным растением, предупреждая читателя об опасности, но о полуконях не было ни слова.

Воспоминания о кентаврах давались целителю с большим трудом. Он старался сосредоточиться на поручении короля, которое заключалось в исследовании их природы и изучении сведений об их стычках с людьми. Но память упорно продолжала рисовать жуткие картины, в которых полуконь отрывал руки случайному охотнику. Непроизвольно вздрогнув, Эрленд всё же прогнал эти мысли.

Чем ближе они подъезжали к Белтоуну, тем чаще Аннетия крутила головой, стараясь усмотреть все детали окружения. Она никогда не покидала столицу дальше, чем на несколько миль, заходя далеко только в тех случаях, когда была нужда в травах, которые не росли поблизости. Именно поэтому девушка наслаждалась каждым мигом этого внезапного путешествия, позабыв обо всём на свете. Эрленда лишь забавило её любопытство. Он вспоминал себя в её возрасте, понимая, что первое путешествие действительно приносит много незабываемых впечатлений.

Тем временем, они уже были у самых ворот Белтоуна. Эрленд спрыгнул с лошади, приземлившись в толстый слой снега, помог спуститься Аннетии и передал поводья Ласки конюху пригородной конюшни.

– Как вы в этом ходите постоянно? – проворчала Аннетия, поправляя свои походные штаны. – Это ж кошмар какой-то.

– Некоторым приходится носить их, не снимая, несколько троелуний, – усмехнулся Эрленд. – А представляешь, каково солдатам? У рыцарей, например, штаны сделаны из стали, и они носят их годами. Так что это ещё ерунда.

Девушка недовольно фыркнула, следуя за алхимиком мимо стражников. Одежда была единственной неприятностью в этом походе. Аннетия, большую часть времени носила

камизу¹⁶, игнорируя одежду поверх неё, чулки и юбку, а на ногах полусапожки. Эрленда немного удивляло то, что его помощница практически не боялась холода, будто выросла на снежных землях Рессулии. Однако сейчас Аннетия была в плотной рубахе, шерстяных штанах поверх чулок и походных сапогах. Кроме того она надела новенький плащ, но, в отличие от алхимика, не куталась в него – лишь глубоко натянула капюшон, чтобы люди не замечали её разноцветные глаза.

Бегло окинув взглядом окружение, Эрленд заключил, что за те пятнадцать лет, что он здесь не был, ничего не изменилось. Книгохранилище, в которое они с Аннетией направлялись, по-прежнему оставалось единственной хоть чем-то примечательной частью города. Казалось, серость и мрачность навсегда въелись в городские стены и дома, и даже если солнце выглянет из-за облаков, то не сможет добавить хоть чуть-чуть красок. Однако эта бесцветность была способна всецело настроить кого угодно на серьёзный лад. Сколько бы Эрленд здесь не был, настроение всегда становилось каким-то бесцветным – ни грустно, ни весело.

На первый взгляд могло показаться, что во всём Белтоуне была всего-навсего одна улица – главная, которая брала своё начало у городских ворот и вела напрямиком к библиотеке. Аннетии в голову пришла именно эта мысль, но Эрленд опроверг её, указав на узенькие улочки, отходившие от главной, словно ручьи, впадающие в реку. Людей было не очень много, и большая их часть находилась на главной улице. Здесь нельзя было встретить хоть одного богатого человека, который мог бы себе позволить хотя бы хорошую обувь. Некоторые ходили в протёртых сапогах или разорванных сандалиях прямо по занесённой снегом мостовой.

Аннетия продолжала озираться по сторонам, стараясь не упустить ни единой мелочи незнакомого ей окружения. Белтоун был прямой противоположностью столицы, начиная серостью окружения и заканчивая бедностью людей. Для девушки такие различия были немислимы, поэтому её глаза были широко раскрыты, когда она крутилась во все стороны. В какой-то момент она даже подвинула капюшон, чтобы он не закрывал обзор, отчего её разноцветные глаза перестали скрываться. Однако всем людям, которых путники встречали на главной улице, не было до этих глаз никакого дела – жители Белтоуна думали лишь о том, как заработать хоть какие-то гроши и купить что-нибудь кроме корки хлеба.

На глаза Эрленду попался храм, посвящённый Дегмунду Гантеру – Обожествлённому Герою, который является покровителем учёных. Дегмунд ещё при жизни получил прозвище Неостановимый, благодаря своему упорству в одновременном изучении очень многих областей науки, несмотря на свою слабость здоровья. Это был единственный храм во всём Белтоуне, и его состояние было немногим лучше, чем любого дома в этом городе – разве что стены были чуть-чуть чище и сам храм был в разы выше. Эрленду всегда было больно смотреть на здание покровителя учёных, но в глубине души он понимал, что на содержание храма уходит немало денег, а Белтоун был далеко не самым богатым городом.

У алхимика была традиция посещать храм Дегмунда каждый раз, когда он приходит в Белтоун, однако, на сей раз, он решил её нарушить. Аннетии тоже было бы интересно там побывать, но сейчас целитель хотел побыстрее покончить с заданием, которое ему поручил король Кемендума.

Само поручение короля заключалось в том, чтобы найти в исторических трактатах или ещё каких-нибудь книгах упоминания о кентаврах. Правитель хотел понять, как ему действовать, и как действовали те, кому приходилось иметь дело с полуконями. Перед поездкой Эрленд попытался вспомнить всё, что он сам знает о кентаврах, однако ничего толкового ему в голову не пришло. Алхимику было известно не больше, чем любому крестьянину или купцу, потому что полукони его никогда не интересовали. Аннетия тоже ничем не могла помочь, поэтому она изъявила желание поехать с целителем в Великое Книгохранилище.

¹⁶ Камиза – средневековая нательная рубаха.

Эрленд попробовал представить, сколько вообще было стычек между людьми и кентаврами. Так как основная масса книг, дошедших до современности, была написана уже после начала Старого Летоисчисления, отправной точкой которого было правление первого Обожествлённого Героя и, одновременно с этим, объединение всего Лоринара под короной Кемендума. Сколько времени люди жили до этого – Эрленд не знал, как и многих других вещей, вроде появления разных народов, орков, варау и лорланов, от которых произошли полукровки, потому что книг и различных записей на эту тему сохранилось чрезвычайно мало. Но всё это ничуть не упрощало задачу, потому что за период Старого и Нового летоисчисления появилось очень много книг – сотни, если не тысячи.

По мере приближения Эрленда и Аннетии к Великой библиотеке она становилась всё больше. Величие этого здания очень плохо вязалось с общей бедностью Белтоуна – становилось понятно, почему Книгохранилище было единственной гордостью этого города. Трудно представить, сколько труда, записанного на пергамент, лежало на полках этого строения. Исторические трактаты, записи о мифах и легендах, писания об Обожествлённых Героях, справочники по различным наукам – настоящий клад знаний для учёного. В своё время Эрленд провёл немало часов, впитывая сведения об алхимии, принадлежащих различным авторам. Когда-то целитель хотел и сам оставить после себя какие-нибудь знания, чтобы передать их будущим поколениям, однако это всё осталось юношеской мечтой начинающего алхимика.

Около входа дежурили двое стражников. Эрленд и Аннетия подошли к одному из них и озвучили свою цель посещения библиотеки. Увидев грамоту с королевской печатью, стражник учтиво кивнул и позволил пройти. Для посещения Книгохранилища не нужно было какого-то особого разрешения, однако грамота с печатью короля давала право на чтение любых книг, даже тех, которые были недоступны для простого посетителя или учёного.

Войдя в библиотеку, Эрленд тут же оказался во власти воспоминаний. Казалось, внутри Книгохранилища было ещё больше, чем снаружи. Сквозь огромные окна, находящиеся на каждом этаже, проникало достаточное количество света, чтобы в помещении не было ни единого тёмного уголка. Книгохранилище состояло из десяти ярусов, каждый из которых был соединён лестницей. Алхимик бывал лишь на первых шести, потому что основная часть исторических записей и научных книг была именно на них. Выше находились подробные летописи, ведущиеся с начала старого летоисчисления, заметки о религиозных отступниках, а также исследования, посвящённые всевозможным запретным обрядам, снадобьям и магическим артефактам. Где-то в груди Эрленда что-то радостно ёкнуло от того, что сегодня, возможно, ему будет позволено ознакомиться с книгами с верхних ярусов.

Без помощи смотрителя ориентироваться в Книгохранилище было трудно, поэтому целитель направился к центру первого яруса. Пройдя с десятков шагов, Эрленд осознал, что стук его сапог не сопровождается цокотом походных сапожек Аннетии. Обернувшись, алхимик увидел, что девушка стоит неподалёку от входа и глазаеет на столь огромное количество книг. Казалось, ещё чуть-чуть и у неё отвиснет челюсть, но Аннетия лишь слегка приоткрыла рот, выдыхая очень редкий пар. Эрленд нетерпеливо окликнул её, подзывая к себе. Аннетия быстро поняла, что засмотрелась на величие библиотеки, и мигом догнала алхимика.

– Будет ещё время на удивление, – усмехнулся Эрленд. – Возможно, даже прочитаем книги, которые не выдаются кому попало.

– Ого, а есть и такие? – изумилась девушка, окончательно стаскивая капюшон со своей головы. Её густые русые волосы тут же спали ниже плеч. – Жарковато тут, не находишь?

– Ну, потеплее, конечно, чем снаружи, – согласился Эрленд.

Они с Аннетией подошли к большому столу, за которым восседал престарелый, длинно-бородый человек в тёмно-серой робе. Эрленд был знаком с ним уже не один десяток лет. Его звали Арден – он был смотрителем Книгохранилища, сколько алхимик себя помнил. Самый большой вопрос, который интересовал Эрленда на протяжении всего времени их знакомства,

касался возраста Ардена. Впервые алхимик столкнулся со зрителем почти двадцать пять лет назад, и уже тогда тот был седобородым. Самое интересное было то, что Арден почти не изменился с того времени – разве что, борода стала длиннее. В молодости Эрленда так и подмывало спросить, сколько лет зрителю, однако сейчас алхимик стал более сдержанным, и этот вопрос уже не так сильно его мучил. Но в том, что Арден, возможно, один из самых старых людей во всём Кемендуме, целитель был почти уверен. Большая часть жителей королевства, с грехом пополам, доживала до пятидесяти лет, не говоря уже о воинах, жизнь которых порой обрывалась и до двадцати. Судя по внешности Ардена, ему было уже, как минимум, за семьдесят.

– Добрый день, Арден, – поздоровался Эрленд, приблизившись к столу.

За этим последовала небольшая заминка. Судя по всему, Арден пытался вспомнить, кто стоял перед ним. Спустя несколько секунд, его лицо прояснилось.

– Эрленд, – произнёс зритель, слегка улыбнувшись. – Сколько лет тебя здесь не видал.

Эрленд тоже улыбнулся в ответ и слегка поклонился. Арден ответил тем же, приподнявшись со своего стула. Алхимику всегда льстило то, как зритель Книгохранилища к нему относился. Арден, в свою очередь, очень любил жажду знаний, которую проявлял целитель. Единственное, что его немного расстроило – полный переход интересов Эрленда в сторону алхимии, потому что зритель больше уважал историков. Но, тем не менее, Арден всегда поражался успехам, которых достиг Эрленд в освоении науки чуждой ему.

– А ты постарел, – усмеялся Арден.

– Зато ты почти не изменился с того времени, – с улыбкой ответил ему алхимик.

– Конечно, я ведь уже тогда был старой развалиной.

Эрленд издал негромкий смешок. Этот старик-зритель умел вызывать симпатию.

– Так какими судьбами ты здесь? – поинтересовался Арден. – Да ещё и с прелестной спутницей.

– Это моя помощница, Аннетия, – представил девушку целитель.

– У вас интересные глаза, милочка, – заметил зритель Книгохранилища.

Аннетия отвела взгляд в сторону. Она не любила, когда в разговоре напрямую интересовались её необычными глазами – это её смущало. Однако Арден не ужасался этой диковине. Скорее, наоборот – его вопрос был полон любопытства, от которого не веяло ничем, кроме исследовательского интереса. Но Аннетия заметила что-то ещё. Как будто Арден чему-то радовался, но выдавали эту радость лишь его глубокие серые глаза.

– Так зачем ты здесь? – зритель вновь обратился к Эрленду.

– Мы пришли по поручению Его Величества, – ответил алхимик. За его спиной послышался едва заметный вздох облегчения. Видимо, Аннетия была очень рада тому, что её глаза так быстро остались без внимания.

– Да ты что? – удивился Арден. – Вот уж не думал, что доживу до такого. И что же понадобилось Его Величеству?

– Он попросил изучить все книги, посвящённые кентаврам и их встречам с людьми.

Лицо зрителя слегка омрачилось, в то же время излучая любопытство.

– Боюсь, таких книг не слишком много, – проговорил Арден.

– Зная размеры Книгохранилища, это будет примерно сотня, – усмеялся Эрленд.

– Если бы так, – покачал головой зритель. – Их с десяток-то едва наберётся.

На сей раз вздох облегчения издал целитель. Это означало, что они с Аннетией справятся с поручением за один или два дня. Однако, с другой стороны, Эрленд был почти уверен, что ничего нового они не узнают, потому что знания людей о кентаврах были чрезвычайно скудны. Аннетия высказывала предположение, что учёные, которые интересовались полукоными, наверняка были, просто Эрленд о них ничего не слышал.

Алхимик спросил смотрителя о том, где следует искать эти книги. Арден взял лист пергамента и по памяти написал восемь названий, упомянув, что искать их следует на восьмом ярусе Книгохранилища. Поблагодарив старика за помощь, Эрленд и Аннетия направились к лестнице и, преодолев семь пролётов, оказались на месте. Для того чтобы не тратить время понапрасну, они разделились и договорились обойти по половине яруса, после чего встретиться внизу за одним из столов.

Несмотря на то, что работа сократилась вдвое, Эрленд обходил свою половину очень долгое время. Масла в огонь подливала разрозненность книг по всему ярусу. Алхимик дважды осмотрел свой участок, чтобы убедиться, что он ничего не пропустил, после чего решил спуститься вниз. В его охапке было шесть книг, посвящённых кентаврам. Надеясь на то, что его помощница нашла остальные две, целитель аккуратно спустился по лестнице и направился к длинному столу, за которым сидела Аннетия. Она уже была поглощена чтением одной из книг, а рядом с ней лежала вторая. Похвалив девушку, Эрленд отложил из своей стопки две книги и передал их Аннетии, чтобы разделить труд поровну. Взяв самый верхний фолиант из своей стопки, алхимик тоже погрузился в чтение.

Однако оказалось, что найти книги было самой простой задачей. Помимо этого, в них самих тоже нужно было искать места, в которых упоминались кентавры. К большому огорчению Эрленда, в этом фолианте полукони были лишь мельком упомянуты где-то в середине. Какой-то король (Эрленд забыл его имя уже к концу прочтения) просил у кентавров помощи в гражданской войне с севером, которая была ещё в годы Старого Летоисчисления. Полукони отказали ему, сказав при этом, что в людские войны они ввязываться не собираются. Пусть победа всё равно досталась королю, с помощью кентавров её можно было бы добиться с гораздо меньшими потерями. Эрленд знал, что кентавры являются хорошими лучниками, ввиду того, что каждый из них обязан уметь охотиться. Имея хотя бы один отряд полуконей-лучников, тогдашнему королю было бы легче сдерживать натиск северян.

– Ты что, уже закончил? – удивлённо произнесла Аннетия, заметив, что целитель откладывает книгу в сторону.

– С этим – да, – кивнул Эрленд, пододвигая следующий фолиант. – Ничего полезного там не было, я решил даже не дочитывать.

– А вдруг там ещё что-то написано ближе к концу, – укоризненно сказала девушка, полностью оставив свою книгу без внимания. Видимо, она была только рада отвлечься от неё.

– Нет, не думаю, – покачал головой Эрленд. – Это исторические заметки, причём не слишком подробные. Уверен, что дальше не будет ни единого упоминания о кентаврах. А у тебя есть что-нибудь?

– Ага, – кивнула Аннетия. – Тут сплошная биология. Я даже удивилась, что кентаврам тут целый раздел посвятили.

– Надеюсь, ты не всё подряд читаешь, – усмехнулся алхимик.

– Нет, конечно, – фыркнула помощница. – Тут с ума сойдёшь, если всё подряд прочитаешь. Но вообще, тут не слишком много интересных записей. Автор утверждает, что у людей и кентавров гораздо больше общего, чем кажется. Тут даже говорится, что они испытывают те же эмоции, что и мы, вроде радости, злости, печали, ярости, любви...

– Любви? Серьёзно? – скептически спросил целитель.

В это верилось с большим трудом. Эрленд полагал, что у кентавров подобные процессы скорее происходят на уровне инстинкта сохранения вида, нежели на реальном чувстве. Со словами о злобе и ярости алхимик был полностью согласен. Перед глазами вновь промелькнули недавние воспоминания о полуконях, заставившие Эрленда вздрогнуть. Те кентавры, казалось, получают удовольствие от того, что издеваются над людьми. С другой стороны, целитель тут же подумал о том, что люди тоже способны на подобные проявления жестокости – вспомнить хотя бы Арену в Стедмаре, о которой иногда рассказывают путешественники.

Все свои мысли Эрленд изложил своей помощнице. Та слегка нахмурилась, явно расстроенная тем, что вообще никак не помогла.

– Ну, знаешь ли, – буркнула она. – Ты уже не узнаешь, почему кентавры убили тех охотников, а причина ведь может быть очень даже весомой. Вдруг эти люди убили их родных?

– Нетти, ты слишком наивна, – проговорил Эрленд, открывая вторую книгу. – Кентавры – дикие создания. Отрывать своей жертве руки и смеяться... Сильно сомневаюсь, что так выглядят те, кто хотят отомстить.

– Да ведь люди тоже на такое способны, – возразила девушка, не желая сдаваться. – Я пытаюсь тебе сказать, что правота автора этой книги вполне имеет место быть. Нам будет легче понять, чего ожидать от полуконей, если представим, как поступил бы на их месте человек.

– Ну, опровергнуть твои слова я всё равно не смогу, – пожал плечами Эрленд, – поэтому пока соглашусь с тобой. Но имей в виду, мало кто из людей способен на такие зверские издевательства. А кентаврам к подобной жестокости не привыкать.

Аннетия не нашлась, что ответить, поэтому решила продолжить чтение. Алхимик тоже вернулся к своей книге, но, едва он коснулся первой страницы, то почувствовал нечто странное. Пергамент был неестественно гладким, а кончики пальцев окатила слабая прохлада. Сам фолиант на вид был очень старым, что ещё больше подогрело интерес целителя. Решив спросить об этой книге у смотрителя библиотеки, Эрленд оставил свою помощницу наедине с биологическим справочником и подошёл к центру первого яруса.

– Арден, а ты читал эту книгу? – спросил алхимик, поравнявшись со стариком.

– Хм, дай-ка взглянуть, – Арден взял в руки фолиант и рассмотрел его внимательнее. – Да, было дело, но очень давно. Это было так много лет назад, что я с трудом помню её содержание. А что, что-то не так?

– Она какая-то странная, – пояснил Эрленд. – На вид, вроде бы старая, но страницы очень уж гладкие, будто на них писали только вчера.

– Это ты верно подметил – она очень старая, – кивнул смотритель. – Если память мне не изменяет, этот фолиант был написан ещё в начале Старого Летоисчисления.

– Ого, – выпучил глаза целитель.

Во всём Лоринаре было признано два летоисчисления: старое и новое. Существовало ещё одно – Ноданротское, однако о нём почти не сохранилось никаких сведений. Все заметки о тех временах хранились на территории полукровок, в Латории, потому что его создатель, Ноданрот, являлся лорланом, захватившим весь Лоринар ещё до прихода людей. Старое Летоисчисление начиналось с объединения всего континента под властью королевства Кемендум, а Новое берёт своё начало с его распада. Объединённое королевство просуществовало чуть больше тысячи лет. Сейчас шёл 980 год, а это означало, что фолианту, лежащему перед Эрлендом, было около двух тысяч лет. Ни одна книга не была в состоянии протянуть настолько огромный срок, именно поэтому их приходилось переписывать.

– А как этот фолиант ещё не рассыпался? – вновь спросил алхимик.

– Он является магическим артефактом, – ответил Арден.

– Правда? – новая порция удивления не замедлила отобразиться на лице целителя.

– Да, – кивнул старик. – Вообще-то, мы не даём эту книгу посетителям без веской причины, но раз уж ты явился по приказу Его Величества, то я решил предоставить её тебе. Насколько я помню, там есть интересный момент, связанный с полуконями. Надеюсь, я не ошибаюсь.

В очередной раз поблагодарив старика-смотрителя, Эрленд вернулся к Аннетии.

– Кажется, я нашла кое-что интересное, – произнесла девушка, едва алхимик присел за стол. – Тут говорится о некоторых встречах кентавров с людьми. Никаких подробностей, к сожалению, нет, но, как я поняла, наши народы никогда не воевали. Несколько королей попытались уговорить кентавров сражаться на своей стороне, но они всегда отказывали.

– Мне больше интересно, как кентавры разговаривали с людьми, – задумчиво сказал в ответ Эрленд. – У нас ведь разные языки.

– Так же, как и сейчас, полагаю, – пожала плечами Аннетия. – У них есть особи, которые понимают нашу речь. По крайней мере, кемендумский язык, который превратился в общепринятый. Кроме того, Рессулия, вроде, до сих пор имеет связи с кентаврами.

– В Рессулии, значит, тоже есть кентавры.

– Не только в Рессулии. Ещё в Стедмаре, Латории и, скорее всего, в Арлде¹⁷. Самая большая популяция в Стедмаре. Ну, вернее, тут упоминается Крартел, но сейчас это территория Стедмара.

После этих слов Аннетия отложила книгу в сторону, глубоко вздохнув. Видимо, этот справочник дался ей очень нелегко, и она с удовольствием занялась бы чем-нибудь другим. Однако девушка отдыхала всего полминуты, после чего придвинула к себе другую книгу.

– Что, кстати, Арден сказал? – поинтересовалась Аннетия, всё же не желая так скоро приступать к чтению.

– Что эта книга – магический артефакт, – ответил целитель.

– Ух ты, – восхищённо проговорила девушка, а её разноцветные глаза, казалось, начали светиться от любопытства – особенно тот, что был белого цвета. – Никогда не видела ничего подобного. Я всегда думала, что они немного... полезнее, что ли.

Видя, что его помощница очень мало смыслит в волшебных предметах, Эрленд решил рассказать ей немного о них. Заодно, Аннетия немного отдохнёт. Алхимик любил что-нибудь рассказывать, вот только слушателей всегда не хватало. В сердце снова больно кольнуло из-за возникшего в голове образа его возлюбленной – Лилли. Но Эрленда быстро оставили эти мысли, потому что перед ним сидела девушка, готовая внимательно его слушать, поэтому он начал свой рассказ.

В своё время Эрленд интересовался природой магии, потому что он знал, что людям она неподвластна, а неизведанное всегда сильно манило. Ему приходилось даже брать книги, которые были написаны на другом языке, и часами сидеть со словарём, чтобы хоть что-то понять. Однако люди были не единственным народом, который не владел магией – полукровки, например, тоже имели к колдовству весьма посредственное отношение, пусть лорланы и передали им предрасположенность к этой области. Другие же народы в той или иной степени могли управляться с этой силой. Самыми одарёнными, пожалуй, были лорланы и варау. Магия орочьих шаманов всецело зависела от источника – то есть они не могли колдовать на пустом месте. Самый простой пример, который пришёл в голову Эрленду: чтобы разжечь костёр с помощью магии, шаману требовался хотя бы тлеющий уголёк. Без источника огня, костёр орки разжечь не смогут. Про магию лорланов Эрленд знал очень мало, потому что её природу знали только сами лорланы. Можно было смело сказать лишь то, что она являлась очень могущественной, ведь эта сила смогла подавить магию целого народа людей-ящеров.

Варау были наиболее интересными представителями. Долгое время считалось, что ящеры владеют только магией воды в любом состоянии. Это не было удивительным – они очень долго жили в воде, и она являлась их самой главной святыней. Возможно, «святыня» не совсем подходящее слово, потому что у ящеров было совсем другое отношение к вере, однако если они видели, что кто-то оскверняет воду, тем или иным способом, они запросто могли напасть на него и предать каре.

Аннетия осадила Эрленда, заметив, что его уносит куда-то не туда. Алхимик знал за собой такую особенность, поэтому извинился и продолжил. Возвращаясь к магии, целитель вспомнил, что во время Удара¹⁸ один из магов варау одним движением смог поджечь немалый

¹⁷ Арлд – общепринятое название территории, на которой располагались кочевые племена орков.

¹⁸ Удар – сокращение от названия битвы «Удар трёх армий» во времена Восстания Куронокибо – крупнейшей войны за

участок леса. Выходило, что и огонь может быть им подвластен. Трудно было представить, с каким сильным врагом сражались далёкие-далёкие предки тех, кто сейчас ходил по земле Кемендума. Более того, враг был настолько силён, что заставил объединиться людей, орков и лорланов. Это говорило о том, насколько же страшна магия в руках таких умных существ, как варау. Именно поэтому единственным выходом после Удара было наложить на род ящеров проклятье. Насколько Эрленд знал, оно очень сильно сокращало численность варау: из двадцати отложенных яиц на свет вылупляется только четверо-пятеро детёнышей. Кроме того, если в процессе взросления у варау проявляются магические способности, которые не смогло подавить проклятье, он всё равно умирает, не доживая даже до десяти лет, что, по меркам варау, является ещё младенческим возрастом.

Возможно, это было слишком жестоко, но, с другой стороны, ни у кого не было уверенности, что ящеры не попытаются вновь подчинить себе другие народы. Никто не хотел вновь пережить ужасы той страшной войны. Неудивительно, что варау стараются жить отрешённо от других рас.

Однако напоминания о магии варау и лорланов живут до сих пор в виде немалого количества артефактов. Все магические предметы делились на два вида: оружия или предметы, которые принадлежали богам, и вещи, которые были, так или иначе, затронуты магией. Сила второго вида артефактов была заметно слабее, однако их было гораздо больше. Эрленд никогда в жизни не встречался с артефактами и считал, что сейчас ему повезло. Очевидно, что книга, лежащая перед ним и Аннетией была зачарована каким-нибудь магом, потому что, если бы она принадлежала одному из богов, время не смогло бы оставить на ней ни единого следа. Здесь же было видно, что книга вряд ли пролежит хотя бы сотню лет. Эрленд решил посоветовать Ардену поскорее сделать копию этого фолианта, потому что знания, содержащиеся в ней, были поистине бесценны. Фолиант являлся одной из самых древних книг, которые когда-либо существовали, если не вообще самой древней книгой, которая сохранилась до сегодняшнего момента.

Закончив своё повествование, алхимик перевернул первую страницу и едва слышно выругался.

– Ты чего там бурчишь? – спросила Аннетия, нехотя открывая свою книгу.

– Этот фолиант написан на старо-кемендумском, – поджав губы, ответил Эрленд. – Вот же зараза, а. Мне что, всю книгу переводить?

– А ты знаешь этот язык? – удивлённо вскинула брови девушка.

– Да, мне в молодости приходилось иметь дело с этим языком, поэтому я переводил с него довольно сносно. Да и потом, что его знать-то, – хмыкнул целитель. – Больше половины слов сейчас имеют то же самое значение. Правда, некоторые буквы по-другому писались, а некоторых вообще не было. Эх, ладно, разберёмся сейчас.

Некоторые слова уже на первых строках вызывали у Эрленда затруднения. Благо, общий смысл предложений до него доходил. Осознав, что впереди ждёт кропотливая работа, Эрленд хрустнул шеей и вновь окунулся в язык, на котором говорило всё население Лоринара две тысячи лет назад.

Первый десяток страниц Эрленд прочитал от и до, заставив себя вспомнить всё, что он знает о старо-кемендумском. На протяжении всего чтения встречались предложения, смысл которых он даже в общих чертах понять не смог. Насколько Эрленд мог судить из прочитанного первого раздела, эта книга посвящалась объединению всех стран под общим заголовком «Объединённое Королевство Кемендум». Кроме того, по словам Ардена, который принёс им пару свечей, львиную долю фолианта занимала биография самого первого короля Кемендума, кото-

рый впоследствии стал первым Обожествлённым Героем. Эрленд пока не мог понять, каким образом тут будут упоминаться кентавры, однако ему стало очень интересно содержание книги.

За окном уже смеркалось, поэтому принесённые смотрителем свечи были очень кстати. Эрленд и без того уже чувствовал, что его зрение ухудшается, а чтение в потёмках лишь усугубит этот недуг. Пожалуй, на сегодня это будет последняя книга, которую алхимик просматривает. Его голова уже чуть-чуть потяжелела от непрерывной работы, и он был уверен, что после книги-артефакта, которая плюс ко всему ещё и написана на старом языке, у него просто не останется сил на что-то ещё. Голова начинала закипать уже на первом разделе, однако вместе с этим у Эрленда проснулась жажда знаний. Никогда прежде ему не доводилось иметь дело с такой старой книгой, в которой к тому же описан один из самых интересных периодов истории. Он много раз думал, какой же властью должен обладать человек, чтобы удерживать настолько разные народы, как люди, лорланы, орки, а позже ещё и варау. Насколько он знал, первый король Кемендума был самым настоящим деспотом. И вот сейчас алхимику представился шанс больше узнать о любимом периоде истории.

Первый раздел был чем-то вроде вступления. После этого следовал список стран, которые существовали на тот момент, и все народы, жившие в тех странах. Об этом Эрленд помнил и без напоминания, поэтому лишь мельком просмотрел список. Кемендум в те времена был несколько больше: помимо территории, на которой он располагался сейчас, к нему присоединились некоторые территории севера и пара небольших районов, которые сейчас преобразовались в самостоятельные государства на границах между Кемендумом, Рессулией и Крартелом. На западе жили лайдеры, которые тогда ещё не были под властью Стедмара, так как империи ещё не существовало, и Крартел являлся полноценным государством. Несмотря на это, самые западные регионы практически не были заселены. Между делом в голове Эрленда мелькнула мысль о том, что вся территория сегодняшнего Стедмара вполне вероятно в то время принадлежала кентаврам. Там было достаточно много полей, и зима была значительно мягче.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.